

ГИЗУМ ГЕРКО

НЕБЕСНЫМ ТЕХНАРЬ

КНИГА 2

Гизум Герко

Небесный Технарь 2

<https://litres.ru/74622519>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небесном порту я наконец добрался до настоящего верстака. Мастер Ург доверяет мне инструмент, первый ровный рез уже получился, а впереди — рейс на малом курьере «Шустрый». Мы сопровождаем закрытый груз Гильдии, к которому разрешено прикасаться лишь избранным.

Когда груз вносят в мастерскую, спрятанный у меня под рубахой цилиндр начинает светиться. Я таскал эту загадочную штуку с собой с первых дней в чужом мире. Теперь появился шанс понять, как она работает.

Только до конца рейса ещё надо долететь. Над облаками нас ждут шторм, стая бритвокрылов и корабельные механизмы, которым давно требуется переборка.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	55
Глава 5	72
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Гизум Герко

Небесный Технарь 2

Глава 1

На «Седой Сети» хватало одного взгляда, чтобы понять условия работы.

За хороший заработок здесь предстояло изрядно побегать по старым, скользким доскам. Желательно с них не сорваться. Трап скрипел под ногой так, что хотелось искать не доску, а виноватого мастера. Борт шел волнами старых латок. Между пластинами торчала просмоленная пакля, местами твердая, как камень. Сетевые стрелы по бокам судна были длинные, тонкие; я невольно прикинул, как сильно они прогнутся под мокрым уловом. На корме стоял винт в кольцевой насадке, весь в пятнах соли и старого масла. Посмотрел на его крепеж и словно услышал знакомое оправдание: еще рейс выдержит.

Последнюю фразу я уже ненавидел. На заводе ее произносили перед тем, как линия вставала в самый неудобный час.

Сеня поднялся первым, но на середине трапа сбилсЯ с шага. Под нами шевелился нижний туман. Белая сырость клубилась под настилом; между клочьями тумана то появлялись темные щели, то исчезали мокрые крыши нижних складов.

На широком причале еще можно было забыть о высоте. Впереди узкая палуба шаланды висела над пустотой. Запах оттуда стоял такой, что я пожалел новую куртку: до вечера пропитается насквозь.

Мокрая веревка. Соль. Старый жир. Прогорклый улов, давно съеденный в порту; его жиром насквозь пропитались палубные доски.

Сенин локоть оказался рядом, и я подтолкнул его вверх по трапу.

— Давай наверх, Сеня. Если свалимся до найма, платить за нас будет некому.

Сеня стиснул амулет под воротом свободной рукой.

— Очень... — трап качнуло, — очень вовремя. Про падение вслух нельзя, Кир! Накличешь!

— Я инженер: заранее прикидываю, где сломается. Тут два гнилых звена, дальше леер держит, я его проверил ладонью.

— А если после второго звена леер тоже сгнил, и мы это узнаем только на середине трапа?

Я качнул леер ладонью. Второе звено пружинило, но держало.

— Тогда узнаем вместе. Второе звено держит, я только что проверил. Иди за мной.

Сеня выдохнул, ухватился за леер и пошел дальше. Без своей лампы он казался ниже ростом. Руки у него все время искали привычную дужку у пояса, находили пустое место и

тут же хватали ближайшую веревку. Вчера в трактире он еще хорохорился. Теперь шагал осторожно, с мокрым воротником у подбородка, и после каждого моего слова поворачивал голову. Я пока не знал, сколько тут страха высоты, а сколько — после нашего разговора.

На палубе нас встретил человек с доской в руке. Доска была мокрая, мел на ней расплзся, а сам человек держал такой взгляд, будто записывал не имена, а будущие претензии к мертвым.

— Имена. — Он не поднял глаз, мел уже полз по мокрому дереву.

— Кир.

— С какого?

Вопросы падали ровно, без интереса.

— С «Пронзающего».

Он посмотрел на мою куртку, на ремень и выпуклость сумки под боком. Кивнул на руки. Я стянул одну рукавицу, показал старые ожоги и свежие потертости возле повязки.

— Юнга?

— Ученик у Урга на Ржавом Базаре. К вам на два дня.

Слово Урга сделало больше, чем моя новая куртка. Писарь шаланды прищурился уже внимательнее, потом поставил кривую метку.

— Второй?

— Сеня Лампа.

Писарь стер каплю с доски большим пальцем.

— Лампа где?

Сеня дернулся, рука сама потянулась к вороту, будто там можно было предъявить доказательство.

— В залоге у знакомого. Я ее не пропил, если вы об этом. Выкуплю, как получу плату, честно.

Писарь на миг поднял глаза поверх доски, оценил и снова уткнулся в мел.

— Никто не спрашивал, пропил ли. Хорошее имя для человека без лампы. Плата после возвращения. Двенадцать серебра за полный выход, если сеть цела, улов принят и капитан не решит, что ты стоил меньше. Еда на борту. Сон где найдешь. Если сорвешься, твоя доля идет тем, кто дотянет. Если порвешь сеть по своей дурости, будешь должен.

Натянув рукавицу обратно, я показал подбородком на мокрый борт.

— А если сеть порвется по старости?

Писарь посмотрел на меня с почти доброй усталостью.

— Старую сеть здесь раньше тебя купили. За нее с капитана вычитать некому.

Отличное начало договора. На Земле такое место сразу требовало бы трех подписей, каски и человека из охраны труда с несчастным лицом. В Семи Причалах хватало мокрой доски, кривой метки и обещания, что твою долю поделят без лишних слез.

Капитан стоял у кормового мостика.

Невысокий, широкий, с красным носом, просоленной бо-

родой и руками человека, который привык держать штурвал, чужую долю и собственную злость одинаково крепко. На голове у него сидела кожаная шапка с нашитой полосой скатовой мембраны. Полоса давно потеряла блеск. В этой шапке, с красным носом и торчащей бородой капитан напоминал закопченный чайник с погнутым носиком: старый, крепкий, из тех, что и после падения продолжают кипятить на плитке.

Писарь поднял доску к капитану.

— Новые руки.

Капитан окинул нас взглядом.

— Один худой. Второй виноватый. Хорошая пара. Худой думает, виноватый слушает. На сети обоих.

Сеня выпрямился слишком резко.

— Я с тросами справлюсь. Дома узлы вязал, у нас... — он не договорил.

Капитан даже не взглянул на него.

— Пока трос лежит, все уверены, что умеют. Под нагрузкой память быстро кончается. Старший сети покажет; спорить с ним будешь после падения, если голос останется.

Старший сети нашелся возле правой стрелы. Сухой мужик с перекошенным плечом, в просмоленной куртке и рукавицах, больше похожих на два чехла от маленьких бочек. Он прищурился на нас и тут же перевел взгляд на сеть, прислушиваясь к скрипу блока. Я сразу понял этот взгляд. Хороший мастер редко смотрит прямо на человека, если рядом есть механизм, который может устроить беду.

Он постучал багром по палубе, а свободную руку опустил на рычаг стопора — привычно, будто там ей и место в любом разговоре.

— Зовите старшой. Имена потом, если вернетесь. На «Седой» три правила. Через веревку переступай, на нее не стой. На мокрый борт не садись — соскользнешь. Пальцы держи снаружи петель. Сунешь внутрь, затянет до кости.

Четвертого правила на такой палубе явно не хватало.

— А четвертое?

Старшой смерил меня взглядом и снова посмотрел на сеть.

— Умный?

— Стараюсь сперва понять, что здесь может сорваться, а потом уже лезть.

Старшой хмыкнул, будто это слово ему за утро уже надоело слышать.

— Четвертое для осторожных. Если капитан орет, слушай старшого. Капитан видит цену улова. Я вижу, кто потом будет эту цену от досок отскребать.

Сеня сглотнул. Мне старшой понравился.

На палубе «Седой Сети» приходилось расходиться боком. После «Пронзающего» она выглядела игрушечной, но через пять минут я перестал думать о размере. Большой корабль дает человеку иллюзию, что опасность где-то далеко, за службой, приказом и чужим расчетом. На шаланде любая беда стояла на расстоянии локтя. Открытый борт. Скользящая

доска. Ведро с грузовыми поплавками. Ручная лебедка, чьи зубья съело так, что они напоминали старую пилу после ученика с плохим настроением. Два барабана для сетевых трюсов. Низкая мачта с парусом, пропитанным смолой. Кормовой двигатель с хрипом и провалом через каждые несколько оборотов; никто из команды на этот звук уже не оборачивался.

Внутри борта тускло светились две плиты. Не чисто и ровно, как городские фонари, а рывками, с желтоватой синей дрожью по краям. Я уже видел похожие плиты на большом корабле и решил, что эти тоже отвечают за подъем. Через открытый кормовой люк темнел кожух. Писарь послал туда матроса: «Масочный узел посмотри, опять сбивается». Значит, так называли то, что давало силу здешнему двигателю. До самого устройства за кожухом было не добраться. Цилиндр под рубахой лежал холодно, но я все равно поймал себя на том, что прислушиваюсь к каждому провалу старого мотора.

Рядом с уличным фонарем он остался холодным. Возле закрытых узлов «Пронзающего» тоже. На старой шаланде могло оказаться так же. Зато здесь я хотя бы видел люк и проход к кожуху. Иногда плохой станок полезен уже тем, что к нему подпускают.

— Чего застыл? — старшой кинул мне моток сырой веревки. — Размечтайся после выхода. Пока привяжи страховку к поясу. Не к руке. К руке привяжешь, рука уйдет первой.

Веревка была плотная, просмоленная, с сухожильной сердцевиной. Увидев два лохматых места, я проверил их пальцами: потерялась наружная оплетка. На конце осталась петля с косым перехлестом. Этой веревкой стягивали пачку поплавков, и хвост, похоже, затащили впопыхах. Для пояса требовалась ровная петля; я начал распускать узел.

Старшой заметил.

— Чего трогаешь?

— Перехлест. Под нагрузкой затянет боком. Потом не развяжете.

Я провел пальцем по косому ходу веревки.

— Этим узлом стягивали поплавки, и он их удерживал. На поясе правда поведет вбок или хватит перевязать петлю?

— Поплавки тянут ровно, а на поясе рывок пойдет в одну сторону и перекосит петлю.

Я перевязал петлю и протянул ему. Он взял новый узел, дернул, посмотрел на ход веревки и буркнул.

— Верно. Для поплавков петля годилась, а на поясе ее сперва проверяют. Только при капитане меня не поправляй: он любую переделку примет за оскорбление.

Швартовы отдали с третьим светлым ударом, когда на причалах уже вовсю грузили бочки и ругались у лебедек. Нижний шестой причал уходил назад мокрыми мостками, кривыми фонарями и людьми у бочек. «Седая Сеть» оттолкнулась боковыми лапами от удерживающей фермы, просела, качнулась и пошла вниз под порт, в белесую сырость.

У меня на «Пронзающем» были моменты, когда высота пробирала до пяток. Но там под ногами был корвет. Тяжелый, старый, с широкими палубами. Здесь — доска, под доской несколько потускневших плит, ниже туман, а дальше только надежда на богов и старые заклепки. Меня потянуло к борту всем весом новой куртки, ключа Мирона и малого огнереза Урга. Я расставил ноги шире и попридержал свою гордость: хвататься за леер хотелось обеими руками.

Сеня побледнел, вцепился в леер обеими руками — пальцы тут же начали мелко дрожать.

— Мы уже правда так низко идем? Я не понимаю, где тут нормальная высота, а где лучше не смотреть вниз.

— По капитану не поймешь: он еще не испугался, значит, для него высота пока нормальная.

Сеня все же глянул вниз, в туман, и тут же отвел глаза.

— Когда он смотрел на нас у трапа, выражение было точно такое же.

— Тогда по нему высоту не измерить. У этого прибора заело показание.

Сеня тихо хмыкнул, и это уже считалось хорошим признаком. Если он еще смеется над плохим прибором, значит, от страха пока способен отвлечься.

«Сырая Низина», — бросил капитан рулевому, указывая вперед. Там воздух стал тяжелее. Дышать стало плотнее, будто в каждую порцию воздуха подмешали холодную воду и старую пыль. Туман садился на ресницы, забивался

под ворот, собирался на рукавицах мутными каплями. Парус над нами хлопнул, потом натянулся. Кормовой винт начал бить ровнее, но в каждом четвертом ударе слышался провал. Слишком бедная смесь, плохая смазка или изношенная опора вала. Такой узел я бы сначала разобрал в теплой мастерской и лишь после проверки выпускал в рейс.

Капитан на мостике крикнул что-то рулевому. Старшой махнул рукой нам с Сеней.

— К правой стреле. Сеть пойдет с первого прохода. Худой, держишь поплавки. Лампочка, подаешь грузки и молчишь, пока я не спрошу, где твоя лампа.

Сеня кивнул так быстро, что чуть не стукнулся лбом о моток.

Работу начали с тяжёлого мокрого края сети. Я потянул, и вода сразу потекла за рукав.

Небесная сеть лежала в длинном ящике вдоль борта. Я ожидал увидеть обычную рыбацкую сеть, только крупнее. Ошибся. Местная штука больше походила на гибкий мешок из множества разных материалов. Основная ячея шла из грубого волокна, пропитанного смолой. По краям вшиты сухожильные жилы. Через каждые несколько размахов висели плоские грузки с тусклыми знаками, а выше цеплялись поплавки, сделанные из полых костяных пузырей и кожаных мешков с легким газом. Часть ячеек была затянута мембраной, чтобы мелочь не вываливалась. Часть оставалась широкой для воды и воздуха. В такой мелкую рыбешку удержишь

разве что надеждой на ее невезение.

Старшой ткнул багром в первый ряд грузков.

— Грузки вниз. Поплавки вверх. Путаешь, платишь.

— Понял, поплавки держу сверху. Сеня, грузки по меткам.

Ячейя хлюпнула, когда старшой перехватил край.

— Все понимают. Потом сеть выходит узлом, виноватый висит за бортом. И кричит уже Цефиру, потому что нас не слушал.

— У нас на заводе за такое лишали премии.

Старшой покосился.

— Добрые у вас места.

Мы с Сеней начали подавать сеть. Старшой вел край, еще двое временных рук, портовые парни с одинаковыми красными носами, толкали грузки за борт. Сеть уходила в туман мягко и страшно. Сначала казалось, что она просто падает. Потом поплавки раскрывались, грузки загорались слабой синевой, и вся конструкция начинала висеть за бортом широкой дугой, принимая поток. Шаланда шла вдоль облачной ряби, а сеть, растянутая между стрелами, прочесывала белый слой.

Старшой велел держать подающую веревку на бедре, а не на ладони. Через полчаса я понял, почему. Сырую сеть дергало на потоке. Она тянула веревку, хлопала мокрой ячейей, грузки подскакивали; на волокна налипала слизь, в ячейках застревала невидимая в тумане мелочь. При каждом рывке

я рисковал содрать кожу. Рукавицы, купленные для веревок, быстро намокли. Пальцы под ними распарились, потом начали мерзнуть. Ладони защищало под повязками, и я вспомнил лазарет, Агату и каждую свою поспешную хватку.

В тумане мелькнуло первое серебристое тело. Потом второе. Десятки мелких рыбешек с прозрачными плавниками застряли в наружной ячее, забились, посыпались вниз в сборный мешок. За ними пошел тонкий облачный угорь, длинный, как ремень у хорошего грузчика, только живет и злее. Он хлестнул хвостом, попал Сене по рукаву и оставил на ткани светящуюся слизь.

— Не трогай голой рукой, — рявкнул старшой. — Печет потом.

Сеня отдернул руку, будто уже обожгло, и вцепился в амулет под воротом.

Деревянной скобой я подцепил слизь и стряхнул в ведро.

— За эту слизь отдельно надбавку дают или считается, что мы уже должны быть довольны тем, что уцелели?

Старшой хрипло рассмеялся.

— За то, что оно тебя не сожгло, уже доплатили жизнью.

Через час счет рывков сбился. Тело вошло в работу. Ноги сами вставали шире, колено упиралось в борт, веревка шла через бедро. Рука вела натяжение вместо того, чтобы хватать петлю. Глаз держался за место, где менялся ход сети. Там, где грузок запаздывал, соседние ячейки сбивались в узел. Там, где поплавок нырял слишком глубоко, в ячее набира-

лась мокрая масса. Там, где жила мелко дрожала под неровными рывками, сидел кто-то с режущим краем.

Туман то открывался, то закрывался. В просветах виднелись нижние уступы Семи Причалов, потом они исчезли. Над нами оставались только мокрый парус, темная мачта и голос капитана, который ругался с ветром так, будто тот за-должал ему еще с прошлого сезона.

Кир из земного цеха во мне возмущался устройством лебедки. Кир нынешний терпел и запоминал. В цехе любую такую передачу давно бы отправили на переборку. Здесь она работала, потому что к ней приставили людей, ругань и страх потерять улов. Плохая механика часто держится не качеством железа, а количеством чужих спин рядом.

За первый день набрали несколько ящичков мелочи. Капитан заглянул в каждый, велел идти дальше вдоль слоя и только у темного часа позволил свернуть сеть. Мы ели горячую крупу с кусками рыбы, сидя под парусным навесом. Потом спали по очереди возле пустых корзин, пока шаланда медленно шла к новому месту лова. Я проснулся на свою вахту с затекшим плечом. К концу моей смены Сеня все еще спал возле корзин, подложив рукавицы под щеку; будить его было жалко, но теперь предстояло дежурить ему.

На рассвете снова подали сеть. За ночь я подсушил повязки, теперь укладывал веревку на бедро уже привычным движением. Старшой поправлял нас короткими окриками. Капитан хмурился при каждом пустом подъеме.

К светлому третьему часу второго дня сеть потяжелела.

Сначала изменился звук. Барабан правой лебедки начал тянуть ниже, с глухим влажным скрипом. Потом правая стрела просела на пол-ладони. Сетевой трос пошел туже, и старшой сразу поднял руку.

— Стая.

Капитан на мостике оживился.

— Держать ход. Еще десять дыханий.

Старшой повернулся к нему всем корпусом.

— Она уже полная.

— Еще десять.

Трос под правой стрелой загудел ниже.

— Ветер снизу крутит.

— Держать. Мое слово сверху.

На «Пронзающем» спор старших имел свою лестницу, журнал, службу и свидетелей. На «Седой Сети» капитан стоял в трех шагах, сеть висела за бортом, а от мокрого троса шел низкий гул, слышный сквозь их голоса. Старшой выругался, но руку не опустил. Люди у лебедек напряглись. Сеня посмотрел на меня, потом на правую стрелу, потом опять на меня — будто ответ мог поменяться от повторного вопроса.

— Плохо?

— Пока дорого.

Сеня сглотнул.

— А потом?

— Потом будет дорого и быстро.

Сеть вошла в плотный косяк. Белый туман под нами вспыхнул серебром и темной синевой. Вода в воздухе, если это можно было назвать водой, заволновалась вокруг ячей. Мелкие тела бились в сетевом мешке, скаты размером с широкую дверь резали краями мембран, угри сворачивались живыми ремнями. Поплавки нырнули почти до края борта. Грузовые знаки на нижней кромке засветились ярче. Шаланда дернулась боком.

Капитан заорал от радости.

Старшой заорал совсем другим голосом.

— Выбирать сеть. Правую на себя. Левую не бросать. Лампочка, грузки сюда. Худой, к барабану.

Теперь тянуть приходилось всем весом.

Барабан крутили вчетвером. Рукояти шли тяжело. Каждый оборот давал нам кусок мокрой сети, из которой сыпались серебристые рыбешки, слизь, мелкие костяные иглы и такой густой кислый запах, что приходилось отворачиваться, чтобы вдохнуть. Сборный мешок набухал. Люди у борта подцепляли улов крюками и вываливали в ящики. Портовые падальщики закружили рядом, черные силуэты в тумане, но пока держались на расстоянии от ругани и гаков.

Первые пять минут казалось, что мы справимся.

Все случилось среди ровного шума ветра. Снизу, под сеть, ударил сильный восходящий порыв; сетевой мешок вывернуло, правая стрела дернулась к небу, а левая просела так резко, что шаланда легла боком. Под ногами доски ушли.

Люди схватились за что попало. Сборный ящик с рыбой поехал к борту, один из красноносых временных рук бросился за ним и едва не шагнул в петлю.

За ворот я рванул его.

— Ногу!

Петля затянулась пустой, с такой силой, что доска под ней хрустнула. Парень побледнел до цвета тумана.

— Спасибо.

— Потом. Живым удобнее.

Правый барабан взвизгнул. Собачка зубчатого стопора перескочила на один зуб, потом на второй. Ее рычаг ходил слишком свободно. На оси появилась темная мокрая полоска выдавленной смазки, от втулки шел пар. Теперь барабан удерживали люди на рукоятях, упираясь ногами в скользкую палубу.

Старшой кинулся к стопору.

— Трави левую! Левую, мать вашу!

Левая лебедка не травила. Трос ушел под сетевую стрелу, зацепился за перекошенный блок и лег на щеку. Мешок развернуло так, что основное натяжение пришлось на правый барабан и корень стрелы. Я видел, как правый трос выпрямился, а левый перегнулся у закушенного блока. Если освободить левую сторону, можно выровнять сеть и разделить нагрузку.

Капитан кричал с мостика.

— Режьте мешок, если не идет!

Старшой обернулся к нему с таким лицом, что я впервые понял, как человек может ненавидеть сразу начальника, ветер и арифметику.

— Дай снять натяжение! Там вся стая, мешком по людям ударит!

— Судно дороже!

Мокрый трос звякнул о щеку блока.

— Тогда раньше надо было слушать!

Они обменялись криками за пару секунд. За это время барабан провернулся еще на зуб, и один из людей на рукояти съехал сапогом с упора.

Трос правой лебедки начал распушаться у направляющей. Не весь, только наружная сухожильная оплетка. Но я уже видел, чем заканчивается первая лохматая прядь под такой нагрузкой. Сначала одна нитка. Потом десяток. Потом трос меняет форму, входит в щеку блока и лопається там, где все стоит ближе всего.

— Стопоры на утки! — крикнул старшой.

Глава 2

Двое постоянных у левой лебедки подхватили запасные стопорные концы, наложили их на сетевые тросы и закрепили их на палубных утках. Ручки барабана отдали назад понемногу. Стопорные концы натянулись, возле утки скрипнула доска. Крепление выдержало. Люди у рукоятей смогли разогнуть спины. Старшой проверил крепления и велел всем отступить из-под тугой снасти.

Я почувствовал под курткой ребро сумки с огнерезом. Сам по себе он сеть не поднимет. Если левый блок закусил тонкой деталью, ее можно срезать, пока нагрузка удерживается на привязях.

— Старшой!

Он даже не повернулся.

— Не мешай!

К левой стреле пришлось пробираться со стороны мачты, пригнувшись и обходя натянутый трос. Заедание бросалось в глаза. Подвижный блок перекосило, потому что страховочная серьга на его щеке уперлась в старый железный ограничитель. Ограничитель тонкий, ржавый, поставленный когда-то для того, чтобы блок не уходил слишком низко при пустой сети. Сейчас серьга уперлась в него под нагрузкой, блок не мог повернуться, и трос терся о край щеки.

Руками не снять. Молотком не подлезть. Если резать трос,

улов уйдет, а часть сети ударит по борту. Если оставить задание, при следующей попытке подъема правый барабан сорвет.

К старшему я вернулся уже с готовым решением и ткнул пальцем.

— Там ограничитель закусил блок. Тонкое железо. Срежу его.

— Чем?

Я тронул сумку под курткой.

— Огонь есть.

Старшой впервые посмотрел на меня полностью. Взгляд быстро прошел по сумке под курткой, по моим рукам, по скользкой палубе, по тросу. Хороший человек. Сначала опасность, потом чудо.

— Взорвешь судно, я тебя сам в сеть вплету.

— Справедливо. Нужен мокрый щит, человек у шлангов и десять дыханий без рывка.

У правой утки коротко скрипнула палуба.

— У нас нет десяти.

— Тогда пять и никто не орет мне в ухо.

Старшой оскалился.

— Пять дам, когда приготовишь. Пока за щитом. Если стопор поползет, отскакивай.

— Лампочка! К нему. Держи сумку, слушай, что скажет. Роган, мокрый лист сюда. Правый стопор смотреть! Начнет ползти — орите сразу!

Сеня оказался рядом сразу. Испуг у него никуда не делся, зато руки работали. Я вытащил малый огнерез, завернутый в сухую плотную ткань. Две малые фляги под давлением, короткие шланги, сопло, запорные винты. Ург бы сейчас велел сначала поставить все на сухой стол, проверить шланг, обругать небо, ученика и качество мира. У нас были скользкий от слизи борт, перекошенная сеть и тугие стопорные концы, под которыми скрипел настил.

Проверка все равно нужна.

Пальцы быстро прошли по соединениям. Шланг цел. Перекрута нет. Сопло чистое. Запор на горючем тугой. Вентиль светлого воздуха идет без заедания. Сенья поставил сумку у стойки под навесом и прихватил ремнем, оставив горлышки открытыми. Прикрывал фляги от брызг краем сухой ткани и смотрел то на мои руки, то на запоры.

Локтем я указал на запоры, потом на промежуток за железным щитом.

— Если зашипит в соединении, закрывай оба. Отходим туда.

— Куда туда?

Сенья оглядел тесную палубу.

— За щит. Там хоть нет людей и дорогих сетей.

— Тут везде люди или дорогие сети.

Он поправил ремень сумки, проверяя, крепко ли закреплены фляги.

— Добро пожаловать в промысел.

Сеня почти улыбнулся. Я достал из кармана сумки темные очки, надел и зажег пламя.

Желтый язык вспыхнул слишком широко. Я убрал горячий, добавил светлого воздуха. Пламя сжалось, посинело у сердцевины и стало тоньше. Нехорошее место для огня. Вокруг сеть в слизи, пропитанная смолой ткань, сухожильные жилы и люди с глазами размером с заклепки. Зато ограничитель был железный, тонкий и уже надорванный коррозией. Достаточно было прогреть и надрезать ржавую перемычку. Дальше ее доломит нагрузкой.

Роган, один из красноносых, держал мокрый защитный лист между соплом и сетью. Старшой отвел багром свободную кромку ячеи на пол-ладони; натяжение тросов по-прежнему держали стопоры. Я кивнул, что готов, и поднес огонь к ограничителю. Теперь пошел короткий срок, который он мне обещал. На мостике капитан орал, но я различал только цвет нагревающегося металла.

Железный ограничитель сначала почернел, потом пошел вишневым. Я дождался светлого пятна у тонкой кромки, пустил режущую струю и коротко провел по ржавой перемычке, подальше от веревки. Брызнули искры. Мокрый лист зашипел. Под соплом запахло горячей ржавчиной и горелой солью. Пальцы заныли, плечо свело так же, как у насоса, глаза начали слезиться.

— Еще, — прошипел старшой.

— Вижу.

Ограничитель лопнул некрасиво. Он хрустнул, скривился, и освобожденный блок ударил по щеке стрелы. Старшой дернул багром, отводя ячею. Я закрыл подачу на рукояти, Сеня перекрыл обе фляги. Мы отступили от стрелы. Роган опустил защитный лист у стойки, и я положил на него горячее сопло, отведя шланги от металла.

По команде старшого левый стопор понемногу ослабили. Трос пошел через освободившийся блок, ячея расправилась.

Шаланду качнуло обратно.

Нагрузка распределилась на две стороны. Правым барабаном попробовали выбрать трос, но втулка снова закрипела, а собачка проскочила по зубьям. Старшой велел вернуть натяжение на стопорный конец. Поднимать напрямую было слишком тяжело для этого изношенного узла.

Схема сама щелкнула в голове.

— Полиспаст.

Старшой выругался.

— На правую?

— Да. Подвижный блок. Запасной есть?

Старшой мотнул головой к носовому рундуку.

— Малый грузовой.

— Давайте. Сетевой трос пока держим стопором, хвост снимем с барабана и привяжем к грузовому блоку. Новую веревку — одним концом к корню мачты, через этот блок и назад на барабан. Будем выбирать вдвое медленнее, зато барабану станет легче.

Я руками показал путь отдельной тяговой веревки: от мачты вокруг подвижного блока и обратно к барабану. Вместе с блоком к мачте потянется конец сетевого троса. Тяга разделится на две ветви. Старшой еще до конца моего объяснения кивнул.

— Груз так берем. И мешок выберем. Стопор оставить на перехваты.

— Грузовой блок сюда! — рявкнул он. — Капитан, ход сбрось, или твоя сеть уйдет вместе с нами!

На этот раз капитан послушал. Может, увидел срезанный ограничитель. Может, услышал, как старшой перестал спорить и начал командовать. Кормовой винт сбавил обороты, ход шаланды уменьшился, сырой ветер перестал так сильно бить в сеть.

Теперь можно было переделать снасть. Работали срочно, следя за стопорами: на них по-прежнему висела сеть. Роган принес грузовой блок. Сеня подал конец запасной тяговой веревки, попытался отыскать сухой участок и в конце концов выбрал менее мокрый. По приказу старшого красноносые сняли с разгруженного барабана хвост сетевого троса и привязали к проушине блока. Я закрепил конец новой веревки на нижнем ухе мачтовой стойки, проверил, как ляжет нагрузка, и сразу переставил выше. Нижнее ухо было удобнее, но его тянуло бы на отрыв. Верхнее упиралось в стойку через старую накладку; тяга пришлась бы вдоль ее крепежа.

— Тут.

Роган ткнул на нижнее крепление.

— Нижнее ближе.

— Нижнее вырвет. Верхнее через накладку упрется в стойку. Сюда крепим.

Он посмотрел на старшого. Старшой кивнул. Прекрасно. Местная инженерная комиссия в составе одного мокрого мужика признала довод достаточным.

Мы пропустили новую веревку через грузовой блок и завели ходовой конец на свободный барабан. Пока выбирали слабинку, веревка легла криво; я поправил скобу и отступил. Барабанщики взялись за рукояти. По моему счету выбрали слабинку до натяжения обеих ветвей. Старшой велел понемногу ослабить стопор, передавая нагрузку новой снасти, и дал команду.

— Тяни.

За прежний кусок выбранной сети приходилось делать больше оборотов, зато рукояти шли заметно легче. Втулка скрипела тише. В паузах натяжение принимал стопорный конец — сломанной собачке больше не доверяли. Когда блок подходил к мачте, сеть снова закрепляли, укорачивали ее свободный хвост у проушины и возвращали блок к борту для следующего хода. Левую сторону выбирали в том же темпе. Правая стрела перестала мелко дрожать; сеть поднималась из тумана медленно, с шипением, брызгами и серебряными вспышками бьющейся рыбы.

За время установки снасти сопло остыло. В короткой па-

узе я завернул его в сухую ткань, уложил шланги, убрал очки в боковой карман и снова проверил закрытые запоры. Сеня отвязал сумку от стойки и помог мне закрепить ее под курткой.

Тут я впервые за все утро почувствовал, что могу выдохнуть.

Рано.

Из мешка вывернулся скат.

Размером с хорошую дверь, с краем мембраны, похожим на заточенную полосу. Такой скат мог здорово ударить по борту; до тварей, сбивающих целое судно, ему было далеко. Он бился в наружной ячее, разворачиваясь поперек потока. Каждое движение резало соседние петли. Если он дорежет край, весь мешок даст слабину, и улов пойдет вниз. А вместе с уловом уйдет половина нашей платы и, возможно, правая стрела.

— Не бей по середине! — крикнул старшой красноносому, который уже поднял багор. — Край держи!

Капитан на мостике снова ожил.

— Целым брать! Мембрана денег стоит!

— И твою голову целой брать? — буркнул старшой, но так тихо, чтобы долетело только до нас.

Скат бился. Край сети начал ползти.

От огнереза сгорели бы мембрана и просмоленная ячея. Улов испорчу, долг за сеть получу — хорошее применение мастеровому инструменту. Нужно было развернуть ската.

Скат резал, потому что мембрана работала ножом поперек натяжения. Если развернуть его носом к потоку и прижать край, сеть выдержит.

Свободная привязь грузового поплавок болталась рядом, почти у самого колена. Ладонь сама сомкнулась на ней.

— Сеня, сюда. Петлю на тот край. Не на мембрану. На ячею возле головы. Быстро.

— Я не умею на ската!

Скат хлестнул мембраной по ячее.

— Он тоже не умеет на тебя. У нас равные условия.

Сеня побледнел, но полез. Старшой увидел и прикрыл его багром, отводя режущий край. Красноносый Роган держал ячею. Я подал Сене петлю. Он закинул ее неудачно, попал на скользкий край, петля соскользнула. Скат дернулся, мембрана чиркнула по рукавице Сени и срезала верхний слой кожи так чисто, что ткань раскрылась без звука.

Сеня вскрикнул.

За пояс я поймал его раньше, чем он отшатнулся в трос.

— Живой?

— Рукавица.

Я перехватил его запястье, глянул на порез.

— В основном рукавица. Нера крепкую дала. Давай второй бросок.

Я отпустил его запястье. Он задышал резче, на ресницах блеснули слезы. Потом кивнул, вытянул соскользнувшую петлю обратно и бросил ниже, ближе к голове. Она лег-

ла. Я завел свободный конец в дужку малого поплавка и потянул, меняя направление тяги. Старшой сразу понял.

— Тяни на себя. Не вверх. На себя, дурни!

Мы втроем потянули. Поплавок поднял край ячеи, петля повернула ската к потоку. Его мембрана перестала резать поперек и пошла вдоль сети. Роган ударил багром не в тело, а в ячею рядом, поджимая. Еще два оборота барабана, и скат перевалился в сборный мешок целиком, с тяжелым плоским шлепком.

Капитан на мостике издал звук, в котором радость спорила с жадностью.

— Целый!

Старшой сплюнул за борт.

— Пока.

Сеть выбрали еще через полчаса. Может, меньше. Время в аварии становится такой же кривой деталью, как перекошенный блок. Каждая минута тянется долго, а потом вся работа вспоминается одним сплошным рывком. Последние грузки поднялись на борт. Поплавки сложили в ящики. Сборный мешок вывалили на разделочную решетку, и палуба ожила серебряным шевелением.

Улов был богатый.

Слизь, чешуя, тесно набитые ячейки — зато сколько всего. Мелкая летающая рыба билась в желобах. Угри сворачивались узлами. Два малых ската хлопали мембранами, пока их прижимали баграми. Ведра наполнялись слизью, жиром и

святи́щейся чешуей. Падальщики за бортом кричали хрипло и зло. Капитан спустился с мостика, прошел вдоль решетки и считал глазами так быстро, что ему не нужен был писарь.

Старшой сел прямо на палубу у правой стрелы. Рукавицы у него дымились паром. Перекошенное плечо поднялось, опустилось. Он посмотрел на срезанный ограничитель, на новый ход через грузовой блок, на меня, потом на Сеню.

— Лампочка, сюда. Покажи рукавицу, я посмотрю, до пальцев скат добрался или обошлось.

Сеня поднял рукавицу. Верхний слой срезало, до кожи дошло только у большого пальца. Крови мало. Страха много. Нормальное соотношение для учебы, если учеба не твоя.

Старшой потрогал край пореза на рукавице.

— Пальцы на месте, жить будешь. За Нерину рукавицу ты теперь все равно в ответе.

— Я ей теперь должен? Скат же распорол рукавицу, когда я тянул петлю.

Старшой качнул перекошенным плечом.

— Скату предъявишь, если догонишь.

Сеня впервые за утро рассмеялся почти нормально.

Старшой повернулся ко мне. Я как раз тронул ось разгруженного блока полиспаста — еще теплую от работы. Боковая щека была чуть погнута, зато рабочая канавка шкива оставалась целой.

— Пока держит. Боковую щеку слегка повело, но канавка целая, трос из нее не сойдет, — сказал я старшому, проверив

натяжение привязи.

— Огонь обратно спрячь. Капитан увидит, начнет подсовывать тебе все железо на борту. Бесплатно.

— Уже убрал под куртку. Сумка закрыта, запоры на огнереже затянуты.

Я запахнул куртку над сумкой.

— И правильно. Полиспаст твой оставим до порта.

— Он не мой. Архимед давно умер, ему все равно.

Старшой нахмурился, повел плечом — тем самым, кри-
вым.

— Этот Архимед у вас кто, мастер рычага или еще один из твоих богов?

— Старый мастер рычага. Очень полезный покойник.

Он покачал головой.

— У корабельных богов и так тесно. Не тащи еще одного на палубу.

Капитан подошел к нам как человек, который уже решил, сколько благодарности можно позволить без ущерба для кошелька. За ним шлепал писарь с доской. Капитан на ходу обвел решетку с уловом одним взглядом — глаза посчитали быстрее, чем писарь успел бы поднять мел.

Капитан остановился у правой стрелы.

— Сеть цела, улов лежит на решетке. Хотя есть что считать.

Старшой поднял бровь.

— Благодаря худому. Он увидел, где закусил блок, и при-

думал, как выбрать мешок.

— Моя команда вытянула сеть. Палуба, снасти, улов — все здесь мое, и считать выручку буду я.

— Когда трос пошел под нагрузкой, твоя команда слушала худого и делала так, как он показал.

Капитан посмотрел на меня внимательно, потом снова на улов. Прикидывал, видно, сколько я ему сберег. На это можно опереться. Добрый человек выпьет, наобещает, к утру забудет. Этот, похоже, запомнит до последней рыбешки — и кто помог ее довести тоже.

— Ты Ургов ученик? Этот выход он отдал тебя нам на два дня?

— Да. Он отправил меня к вам на два дня, потом я должен вернуться в мастерскую.

Капитан посчитал меня глазами — от сапог до сумки.

— Огнерез твой или мастерский?

— Мастера Урга. За него отвечаю я и верну его целым.

Взгляд его скользнул по срезанному ограничителю.

— Рез ровный. За срезанное железо удержу. Полиспаст в счет судна запишу.

Старшой закашлялся.

— Капитан.

— Шучу. Полиспаст оставляю на борту, за железо удерживать не стану.

Судя по лицу писаря, шутка только что не прошла приемку.

Капитан ткнул пальцем в улов.

— Доведем его целым — худому добавка. Лампочке тоже, если перестанет смотреть на свою рукавицу так, будто она была родней.

Сеня убрал руку за спину.

— Понял, капитан.

— Все понимают, когда серебро впереди.

Капитан обвел нас двоих одним взглядом — тем же, что на трапе при найме.

— Худой и думал, и работал, виноватый полез к скату и удержал петлю. При найме вы оба обошлись мне дешевле.

Капитан ушел к решетке, где красноносые уже сортировали улов. Писарь сделал отметку на доске. Старшой закрыл глаза на пару дыханий, потом поднялся и пнул меня в сапог без злости.

— На ногах не спи: до обратного хода надо очистить сеть, проверить грузки и засолить ската, а день еще длинный.

Мне хотелось возразить и сесть рядом. Плечи гудели после работы у барабана. Ладони под отсыревшими рукавицами саднили. В спине тянуло там, где дернуло, когда я поймал красноногого за ворот. Во рту стоял вкус тумана, горячей ржавчины и живой слизи. Но передо мной лежали спасенный улов и целая сеть. Правый барабан еще поскрипывал: матросы сматывали ослабшую снасть. К рукоятям можно было подойти спокойно, без страха, что сейчас вырвет их из рук.

За добавку предстояло еще отмыть весь этот улов. Запах

уже стоял до мостика.

Сеня присел рядом с ящиком, осторожно стягивая порезанную рукавицу, и тут же тронул амулет под воротом — на удачу, не иначе.

— Кир.

— Говори, пока я этот грузок вытаскиваю. Что случилось? Я выпутывал грузок из ячеи, не поднимая головы.

— Мы правда получим добавку?

— Если он не придумает еще один повод для вычета. Сегодня сеть цела и улов на палубе, так что спорить будет труднее.

Сеня покосился на свою руку.

— Что капитан еще запишет нам в ущерб? За рукавицу ему, наверное, мало.

— Рукавицу он наверняка посчитает. Нам остается показать целую сеть и улов, тогда за большой вычет ему придется спорить.

Сеня подумал, потом кивнул. На лице у него усталость мешалась с осторожной радостью человека, который испугался, сделал и остался жив. Лампу еще предстояло выкупить; Сеня то и дело касался пустой петли на поясе. Моя тысяча серебра оставалась далеко, за десятками таких смен. Зато сегодня мы сберегли сеть и заработали обещание добавки. Люди тоже поглядывали на нас иначе: Роган подвинул ящик, освобождая нам место у улова.

Цилиндр Закира оставался холодным под рубахой. За

всей этой работой я так и не успел подойти с ним к двигателю. Зато запомнил слабые доски у утки, понял, на чем капитан пытается сэкономить, кто командует людьми у сети и как скрипит правый барабан перед срывом стопора.

Ниже, под досками, снова захрипело у масочного узла.

Глава 3

После спасенного улова команда «Седой Сети» праздновала так, как умела.

Когда сгребли рыбу с прохода и убрали первые корзины, у разделочной решетки устроили передышку. Люди молча стояли, тяжело дышали, смотрели на целую сеть и на серебристую рыбу в желобах. Мокрые рукавицы дымились паром. У Рогана на щеке тянулась свежая царапина от грузка. Второй красноносый сидел на ящике и держал кружку обеими руками, откладывая первый глоток. Сеня все еще поглядывал на разрезанную рукавицу и сводил края прорехи, прикидывая, получится ли зашить.

Капитан ходил вдоль улова с лицом человека, которому боги наконец вернули долг, но сдачу зажали. Скаты хлопали мембранами в деревянных скобах. Угри сворачивались тугими узлами и били хвостами по бортам ведер. Мелкая рыба с прозрачными плавниками дергалась в соляной жиже, и от нее шел слабый голубоватый свет. Палуба пахла слизью, солью, мокрой смолой и железом после огнереза.

Мы сохранили столько хорошего улова, а я никак не мог вдохнуть полной грудью. Может, в порту по такому запаху и отличают удачный рейс от пустого.

Старшой подошел от носовых ящиков, хрустнул плечом и посмотрел на временный полиспаст у правой стрелы. Тя-

говую веревку оставили слегка натянутой, чтобы она не выпала из канавки. Грузовой блок на конце сетевого троса поскрипывал при качке. Того тонкого визга, от которого у меня недавно сводило зубы, больше не было. Барабан остыл не до конца. На втулке оставался темный след перегрева. На заводском участке я бы написал на бирке длинную некрасивую фразу про немедленную разборку, запрет дальнейшей эксплуатации и личную ответственность того, кто решит сэкономить.

На «Седой Сети» такой биркой служил старшой. Он ткнул пальцем в барабан и рывкнул на барабанщиков.

— До порта не трогать без меня. Стопор сорван, втулка греется. Полезешь крутить по-старому — пальцев лишишься.

Барабанщики дружно кивнули. Один даже перекрестил пальцами воздух в знак какого-то местного ветрового обряда. Я не стал спорить с обрядом. Если человек после аварии хочет подстраховать тормоз молитвой, пусть. Лишь бы потом без старшого привязи не распускал.

Капитан тем временем приказал вынести кувшин. Кувшин потемнел до самого горлышка; из трещин под ободком выступал липкий налет. Я бы такую посуду и под промывочную жидкость брать поостерегся. Писарь разлил по кружкам мутное пойло. Запах у напитка оказался кислый, травяной и немного топливный. Старшой выпил первым, поморщился только одним глазом и остался жив. После такой проверки

остальные оживились.

— Новые руки тоже пьют, — капитан остановился напротив меня. — За целую сеть. Еще пригодится в следующем выходе.

Кружка легла мне в ладонь тяжелой мокрой глиной. Внутрь плеснулось что-то желтое. Руки после тросов дрожали, и эта дрожь сразу выдала бы меня любому мастеру. Хорошо, что капитан смотрел не на руки, а на свою выгоду.

Кружку я удержал перед собой.

— После работы с огнем лучше не пить. Мастер Ург велел вернуть ему огнерез, а не рассказ о нем.

Капитан фыркнул.

— Боишься своего мастера?

— У него молоток честнее вашего кувшина.

Роган заржал первым. Старшой хрипло кашлянул в кулак. Капитан несколько дыханий смотрел на меня, потом ухмыльнулся.

— Ладно, худой. Не пей. Больше останется тем, кто умеет радоваться.

Кружку забрал Сеня. Покосился на меня — я поднял бровь, напоминая о его обещании у лавки. Он понюхал пойло и все-таки сделал совсем маленький глоток. Лицо у него вытянулось так, будто он проглотил не напиток, а мокрый шнур.

Я наклонился к Сене.

— Ну что, вытерпел? Пойло после глотка стало понятнее

или только хуже?

— Если эту штуку залить в лампу, весь фитиль закоптит. Сеня снова понюхал кружку с подозрением и отодвинул от лица.

— Значит, пить можно. Нечем тебе пока коптить фитиль.

Сеня хотел ответить, но улыбка сломалась у него на середине. Рука сама дернулась к пустому месту на поясе. Там, где раньше висела его лампа, болталась только мокрая завязка.

— Заберу обратно. Закладчик может сколько угодно держать ее у себя, на поясе она все равно моя, — буркнул он.

— После петли на скате тебе полагалась бы скидка. Ты рискнул ради сети, а лампа все равно осталась у закладчика.

Сеня потрогал пустую петлю на поясе, где раньше висела лампа.

— У него своя цена, и ему все равно, что я полез к скату. Он считает только то, за что можно взять серебро.

— Закладчики вообще плохо считают чужую пользу. Им бы весы для совести, но порт такие не выпускает.

Сеня тихо хмыкнул. В этом смехе еще сидел страх, но уже не один. Рядом появился маленький, упрямый кусок гордости. Он боялся, полез, бросил петлю второй раз и удержал руку от троса. Для нижнего юнги с пустым поясом такой поступок весил больше красивой речи любого старшего.

Праздник быстро перешел в работу. Пойманную живность требовалось разобрать и засолить, пока она не испортилась. Малых скатов прижимали к решетке, край мембрана-

ны связывали мокрыми ремнями, чтобы не порезал нож. Угрей сбрасывали в отдельные бочки с соляной жижей. Мелочь шла в широкие корзины. Светящуюся слизь собирали деревянными лопатками в глиняные кувшины. Падальщики за бортом орали так, будто мы лично украли у них наследство.

Старшой поставил меня к грузкам.

— Проверяй метки. Где трещина, в отдельный ящик. Где знак стерся, ко мне. Где поплавок сдулся, не умничать, а кричать.

— Если знак стерся вместе с грузком?

Старшой мотнул подбородком в сторону сети, не сводя с нее глаз.

— Если знак стерся вместе с грузком, кричи так, чтобы я услышал сквозь сеть и барабаны.

Грузки оказались тяжелее, чем выглядели. Плоские каменные пластины с металлической сердцевинкой, мокрые от тумана и слизи, лежали в ящике как куски чужого серого хлеба. На каждом тускнела рабочая метка. Старшой сказал, что с ней грузок удерживает нижнюю кромку на нужной глубине. Примерно на половине пластин знаки стерлись по краям. На двух грузках края пошли мелкими трещинами. Треснувшие я отложил отдельно и пальцем проверил сердцевину на крошку.

Старшой заметил.

— Ты чего возишься с грузком, нюхом его проверяешь? Солью и без того весь ящик пропах.

— Трещина не новая. Соль въелась. Если поставить обратно, на следующем рывке разойдется.

Он взял грузок, посмотрел на трещину, потом на меня.

— У тебя глаза где, в пальцах?

— На заводе учили смотреть всем, что еще не занято.

Старшой смерил мои руки взглядом, прежде чем сощуриться дальше.

— Станный был у вас храм.

— Цех. Большая мастерская, где я чинил станки.

Он повел перекошенным плечом, будто ответ его самого забавлял.

— Храм, где за хлеб железо таскают. Пальцы мнут, спины срывают. Разницы мало.

Спорить было трудно. Под мокрыми рукавицами саднили ладони; за сегодняшний хлеб я уже изрядно поработал.

До обратного курса мы успели перемыть половину снасти, перебрать грузки и сложить поплавки под навесом. Сеня таскал кувшины со слизью к кормовому ящику, где писарь ставил мокрые метки. Каждый кувшин получал свою кривую черту. Каждая корзина мелкой рыбы, каждая связка угрей и каждая скатовая мембрана уже превращались в будущую цену. Не сразу в монету. Сначала в вес, сорт, соль, запись и чужую возможность удержать часть себе.

Между добычей и платой здесь хватало посредников. Пока они взвесят, рассортируют и вычтут свои доли, получишь куда меньше, чем насчитал над полной сетью.

Солнце за туманом пошло к закату, когда капитан наконец приказал поворачивать к порту. «Седая Сеть» развернулась тяжело, с глубоким креном. Кормовой винт застучал чаще, набрал ритм, снова сбился на четвертом ударе и потянул шаланду к Семи Причалам. Подъемные плиты внутри бортов светились тускло. Их свет не разгонял сырость, а только показывал, сколько ее вокруг. Нижний туман полз по палубе, цеплялся за сапоги и ворот, садился на ресницы холодными каплями.

Команда после удачного улова расслабилась ровно настолько, чтобы стать опаснее. Люди говорили громче. Кто-то достал вторую глиняную бутыль. Капитан снова поднялся на мостик и стал похож на сторожевого пса у мешка с зерном. Писарь пересчитывал отметки, прикрывая доску от влаги рукавом. Старшой сидел у правой стрелы и не пил. В этом мы с ним совпали.

Сеня устроился рядом со мной у ящика с поплавками. Разрезанную рукавицу он снял и держал на коленях. У большого пальца кожа под тканью покраснела, но кровь уже остановилась.

— Рука после сети ноет? Или тебя больше злит, что рукавицу Неры распорол?

— Пальцы болят меньше, чем рукавицу жалко. Из всех моих вещей она была лучшей.

Сеня повертел рукавицу в руках, разглядывая срез.

— Отдашь Нере рукавицу с рассказом о скате, — сказал

я. — Пусть знает, за что ей придется зашивать.

— Она меня этой историей по голове ударит.

Он криво усмехнулся и спрятал рукавицу подмышку.

— Значит, рассказывай издалека, — посоветовал я.

Сеня посмотрел на мокрую палубу, на сеть, на капитана у мостика. Глаза у него стали темнее.

— Капитан ведь обещал прибавку. Ты правда думаешь, он отдаст ее, а не найдет новый вычет?

— Добавят. Потом начнет вычитать за каждый целый предмет и каждую нить, которая сама не порвалась.

Сеня быстро прикинул что-то по пальцам, как, наверное, считал и у закладчика.

— Что на шаланде уж точно не утащить и не записать нам в расходы?

— На этой шаланде? Чужая жадность и пара хороших за-
плат.

Сеня засмеялся тише, чем раньше. Потом наклонился ко мне.

— Ты ведь не только за серебром пошел.

Цилиндр под рубахой лежал холодной полоской у ребер. Вопрос попал точно туда же.

— За серебром тоже. С этой смены хотя бы есть что отложить, а до тысячи мне еще далеко.

— Что еще ты искал? Я весь рейс замечал, как ты поглядывал на корму.

Я замялся. Рядом, у мокрого кувшина, устроился писарь;

за спиной переговаривались матросы. Любой мог услышать. По обрывкам памяти я знал, как Закир боялся потерять цилиндр. Прятал тщательно. Стоило побереечь его тайну.

Ладонью я показал вниз, к корме.

— У старых механизмов бывают места, куда на большом корабле тебя не подпустят. А на маленьком судне иногда достаточно дожидаться, пока все устанут.

Сеня посмотрел в сторону кормы, побледнел и опустил руку к пустому месту на поясе, где должна была быть лампа.

— Ты собираешься спускаться к кормовому двигателю? Он ведь тянет все судно?

— Хочу только осмотреть кожух снаружи и понять, откуда идет неровный стук. Крышку с пломбой не трону.

Сеня оглянулся, будто старшой мог услышать это через палубу.

— Старшой поймает, весь трюм заставит отмыть. До самой обшивки.

— Сперва он спросит, зачем мы полезли к корме. Отмывать будем потом.

Сеня посмотрел на меня так, будто я предложил прыгнуть за борт добровольно.

— И от угрозы со щеткой я должен успокоиться?

— Нет, но хоть знаю, что нас ждет, если он поймает.

Сеня потер лицо ладонью. На мокрой коже остался след соли.

— Штука Закира?

Я молча прижал ладонь к рубашке. Он видел этот жест еще на «Пронзающем», когда принес мне вещи Закира. После разговора на лестнице у трактира ему уже было известно, кто смотрел тогда на сверток. Сеня замечал больше, чем показывал при старших; сейчас он спросил прямо о том, ради чего я собирался лезть вниз.

— Там хоть что-нибудь изменилось? Ты что-то почувствовал? — прошептал он.

— Никакой перемены. Цилиндр холодный, двигатель все так же пропускает каждый четвертый удар.

Сеня сглотнул, будто испугался собственной мысли.

— А если заработает... ты Закира вспомнишь? Как он раньше был?

Холод под рубашкой стал вдруг тяжелее. Ветер дернул край куртки. За бортом туман на миг разошелся, показал далеко внизу темные уступы и снова сомкнулся.

Я прижал цилиндр под рубашкой ладонью.

— Я помню только обрывки. Все, что мог, рассказал тебе у трактира. Что получится от этой вещи, не знаю. Но Закир ее прятал. Значит, считал важной.

Сеня кивнул, вынул порезанную рукавицу из-под мышки и долго разглаживал ее на колене.

— Если вспомнишь о Закире еще что-нибудь, Расскажи мне первым. Не хочу узнать от кого-то другого.

— Обязательно. Ты первым узнаешь, если в голове появится хоть что-то.

— Я по привычке все жду, что он... — Сеня поднял глаза на мое лицо и умолк.

Я подвинулся, освобождая ему место у ящика. Он остался рядом. От этого было и легче, и стыднее за прежнее молчание. Теперь я знал, что он ждет ответа, и хотел суметь ответить честно.

Подходящий момент пришел поздно.

После выпивки люди расслабились, заговорили громче. Большинство еще уверенно держалось на ногах, но на снасти поглядывали реже. Я видел такую беспечность после тяжелой смены, когда самое трудное уже позади. Роган уснул у ящика с корзинами. Второй красноносый спорил с писарем о том, сколько угрей он лично удержал взглядом. Капитан ругался с рулевым, потому что встречный ветер задерживал возвращение с дорогим уловом. Старшой ушел к носу проверить уложенную сеть и прихватил с собой обоих барабанщиков.

Кормовой двигатель работал под палубой с перебоями.

Звук шел глухо, слабее, чем на выходе из порта. Теперь ход стал ровнее, и провал на каждом четвертом ударе слышался особенно чисто. Три толчка, короткая пустота, четвертый удар чуть ниже по звуку. Потом снова. Если прислушаться, можно было поймать еще один след. После провала где-то внутри кожуха вспухал слабый звон, будто тонкая пластина получала лишнюю дрожь и терялась в собственном креплении.

Плохой звук. Полезный звук.

Я поднялся, взял пустое ведро и моток грязной тряпки.

— Куда ты собрался с пустым ведром? Ты же не знаешь, где течет. Что собираешься искать? — Сеня сразу сел рядом.

— Проверить, откуда течет возле кормового ящика.

Сеня прищурился, не очень-то веря.

— Там течет везде, Кир. Если искать одну течь, придется начать с кормы и закончить у мачты.

— Вот поэтому иду с ведром. Если течет везде, хоть выясню, где вытирать.

Он поднялся следом.

— Раз там течет везде, тебе одному ведра не хватит. Я тоже пойду, а на месте разберемся.

Спуск под палубу нашелся за низким люком возле кормовой стойки. Днем я видел, как туда нырял рулевой мальчишка с масленкой. Люк держался на двух петлях и ржавом крючке. На богатом судне такой вход закрыли бы ключом, печатью и человеком с плохим настроением. На «Седой Сети» расчет был проще. В здравом уме к кормовому узлу лезли только по приказу.

Здравый ум остался наверху, рядом с мокрым кувшином.

Люк открылся со скрипом. Вниз пахло старым маслом, теплой солью, кислой плесенью и горелой химией. Я поставил ведро с тряпкой у люка и начал спускаться. Лестница оказалась такой узкой, что сумка с огнерезом зацепилась за

край. Пришлось вернуться на верхнюю ступеньку, тихо выругаться, развязать ремень сумки на поясе и передать ее Сене.

— Держи. Если кто спросит, скажешь, что я полез за тряпкой.

— А огнерез зачем брать, если ищешь только тряпку? Сумка-то полная.

Сеня надел ремень сумки через плечо и прижал ее к животу, прикрывая локтем от чужих взглядов.

— Очень важная тряпка. Ей придется вытереть целый кормовой ящик.

— Кир, если тебя увидят с огнерезом, отговорка про тряпку сразу развалится.

Я уже спускался в люк и не обернулся.

— Знаю. Кашляй погромче, если услышишь шаги старшего.

Под палубой «Седая Сеть» казалась еще старше. Сверху ее спасали ветер, туман и расстояние. Внизу все лежало голым счетом. Ребра корпуса были с разными накладками. В одном месте железная полоса прижимала дерево через кожаную прокладку. В другом смола выступила черной каплей и застыла на старой заплате. Жилы к подъемным плитам шли вдоль борта в жесткой оплетке, местами перевязанной сухожильным шнуром. На полу стояла тонкая масляная вода. Каждый удар винта отдавал в доски короткой дрожью.

Масочный узел нашелся ближе к корме.

Небольшой короб, всего в половину моего роста, сидел в железной раме под защитным кожухом из темного металла. На кожухе тянулись мутные линии, стертые рабочие метки вместо красивых рунных рисунков с корабельных панелей. Сквозь узкую щель внутри дергался свет. Грязная желтовато-серая дрожь шла прожилками, вспыхивала на трех ударах винта и тухла на четвертом. Потом снова.

К коробу явно разрешали подходить только своим. Теплый кожух с потемневшими пальцевыми следами у края. Сколотый воск на старой метке. Шнур поперек стыка крышки, завязанный и опечатанный. От масла он потемнел, но закрытую крышку по-прежнему нельзя было снять незаметно.

— Только не вскрывай, — выдохнул Сеня сверху.

— Я и не собирался.

На самом деле хотелось открыть. Заглянуть внутрь, найти слабое место, понять, почему проваливается четвертый удар, и наладить ход хотя бы на одну смену. Я вспомнил Рагнину оправку, свой неверный зазор и молчаливый взгляд Мирона после признания. Затем посмотрел на plombу. Руки оставил при себе. На заводе самовольный ремонт чужого станка тоже редко заканчивался благодарностью. Здесь станок еще и висел над пустотой.

Цилиндр Закира я достал медленно.

В ладони он выглядел совсем маленьким рядом с коробом. Гладкий металл, тонкая резьба, чужие знаки у края. На вид обычная тяжелая трубка. Света от нее не было, знаков

я прочесть не мог. Закир сберег эту вещь в своей тесноте, а я теперь, рискуя наказанием, пытался понять, что он считал таким важным.

Сначала я поднес цилиндр к теплой стороне кожуха, туда, где свет изнутри бил чаще. Ничего.

Дыхание само остановилось. Пальцы прижали металл сильнее. Кожух под ладонью вибрировал. Внутри узла что-то сухо щелкнуло, потом винт снова провалился на четвертом ударе. Цилиндр остался холодным.

Ниже, у оплетенной жилы, по металлу шел слабый звон. Я поднес цилиндр и дождался очередных трех светлых толчков. Он остался холодным. У стыка рамы и короба попробовал с другой стороны: там виднелась тонкая кромка кожуха. Потом удержал цилиндр перед щелью, прямо в полосе серого света, чтобы между ним и источником хотя бы в одном месте не было сплошного металла. Чужие знаки остались темными.

Пять дыханий. Десять. Двадцать.

Шаланда качнулась. Сверху кто-то глухо выругался, потом засмеялся. За бортом закричал падальщик. Внизу старый узел продолжал работать с перебоями. Сквозь доски шла неровная дрожь винта. Я ждал хоть слабого тепла в ладони, но так и не дождался.

Вот и вся проверка.

Я убрал цилиндр от кожуха, но ладонь еще несколько секунд держала его перед собой. Хотелось злиться на вещь, на

Закира, на старую шаланду, на весь этот мир, где даже уличный фонарь имеет хозяина, а нужный источник либо слишком слабый, либо слишком закрытый, либо стоит столько, что за него можно купить человека вместе с его будущими переломами.

Долго злиться сил не было. Я расправил больную спину, пошевелил пальцами в мокрых рукавицах и снова посмотрел на короб.

Этот узел и собственный винт крутил с перебоями. Может, для цилиндра просто не хватало силы — все равно что пытаться запустить большой пресс от ручного точила. Или мешал неровный ход: три светлых толчка, провал. Причины я не знал. Мог сказать только одно: здесь, при таком расстоянии, отклика не получилось.

— Получилось что-нибудь? Он опять остался холодным?
— Сеня шептал едва слышно.

— Никакого отклика. Ни тепла, ни света.

Сеня подался ближе, стараясь разглядеть цилиндр в темноте.

— Даже возле светлой щели он не отозвался?

— Ни одного толчка. Остался таким же холодным, как до проверки.

Он спустился на две ступени ниже. В темноте его глаза блестели от света узла.

— Может, еще ближе? Вплотную к щели? Вдруг рядом с этой дрожью он хоть что-нибудь покажет?

— Дальше была бы крышка и пломба. Их не трогаем, пока старшой не разрешит.

Сеня сглотнул.

— Ладно. Хорошо, что старшой этого не увидел. Я еще не готов отмывать весь трюм.

В этом «хорошо» сидело больше облегчения, чем сочувствия. Я не обиделся. На его месте радовался бы так же. Человек с заложенной лампой и порезанной рукавицей имел полное право не хотеть, чтобы друг стал мокрым пятном внутри кормового двигателя.

Я вернул цилиндр под рубашу. Холодный край лег к ребрам, твердый и тяжелый. На эту проверку я надеялся, а получил тот же результат. Уличный фонарь. Закрытые корабельные кожухи. Старая шаланда. Нигде не удалось повторить первую проекцию.

Попробую найти источник сильнее, с более ровным ходом.

Выбравшись наверх, я взял оставленное у люка ведро с тряпкой. Для приличия действительно вытер потекшую смолу у кормового ящика. Она размягчилась возле теплой трубы; липкая нить свисала как раз над оплетенной жилой. Тряпка сразу почернела. Теперь я хотя бы мог показать, что сделал. Любой старший быстро замечает, когда работник долго пропадал, а предъявить ему нечего.

Старшой заметил нас сразу.

Он стоял у правой стрелы, держа в руке кусок сухожиль-

ного шнура. Глаз у него был прищурен. Плохой знак. Хороший старшой видит не только сеть. Он видит, кто слишком долго отсутствовал рядом с тем местом, где люди обычно не любят задерживаться.

Старшой кивнул на тряпку.

— Что нашел у кормового ящика? Смола дальше попала на жилу или только у самого стыка?

Я показал тряпку.

— Смолу продавило у ящика. Затер, чтобы не капало на жилу.

Старшой взял тряпку, понюхал, посмотрел на меня, потом на Сеню.

— Оплетка чистая? Смола на нее не попала?

— Оплетка сухая, смола жилу не задела.

Старшой перевел прищуренный глаз с меня на Сеню и обратно.

— К пломбе не прикасался? К самому кожуху подходил? Сеня замер. У меня внутри тоже что-то встало на стопор.

Глава 4

— Проверил снаружи, — сказал я. — Шнур и крышка остались на месте.

Старшой долго смотрел на мои руки, потом перевел взгляд к люку. Я ждал следующего вопроса. Ему предстояло довести эту шаланду до порта; после такой проверки новичка стоило перепроверить еще и кожух.

— Худой, узел старый. От него и винт, и плиты. Пока сбоят, держимся, молимся, масло доливаем. Заглохнет — вниз пойдем. Мы знаем, куда лезть. Ты со своими умными глазами пока только спрашивай.

— Сперва спрошу. Без вас к кормовому узлу больше не подойду.

Старшой глянул на меня, явно не купившись ни на слово.

— Плохо понял, но жить можно. До порта один к корме не спускайся.

Он бросил мне сухожильный шнур.

— Раз уж ноги сами несут, проверь страховки у носового ящика. Там безопаснее для твоей головы.

Наказание вышло мягким. Или награда грубой. В любом случае спорить я не стал. Сеня выдохнул только у носа, где нас снова встретили мокрые поплавки, старые узлы и нормальная, честная работа, не связанная с тайной мертвого юнги.

Ночь на обратном курсе прошла длинно.

Спать не получалось. Палуба дрожала под боком, ветер заходил под ворот, руки горели от соли и веревок. Сеня уснул у ящика, прижимая к груди испорченную рукавицу Неры и сумку с моим огнерезом. Несколько раз он дергался во сне, будто снова бросал петлю на ската. Старшой сидел у правой стрелы почти до рассвета. Капитан дремал на мостике с открытыми глазами. Писарь то считал отметки, то прятал доску под куртку, то снова доставал.

К утру в тумане показались Семь Причалов. Я разбудил Сеню, взял у него сумку с огнерезом и закрепил ремень на поясе, пока палубу не заняли швартовыми.

Сначала показались нижние балки. Черные, мокрые, с висящими на них фонарями и людьми, которые уже успели начать день с ругани. Потом проступили фермы, грузовые платформы, боковые лапы причалов, лес мачт и парусов. Порт шумел все громче по мере приближения, и я уже различал знакомые звуки. Скрип блоков, крики грузчиков, глухие удары бочек, колокольцы мелких судов, кашель двигателей, лай портовой мелочи, звон цепей. После сырой Низины этот шум почти грел. В нем имелись стены, лавки и люди, которым можно предъявить счет.

«Седая Сеть» подошла к нижнему шестому причалу боком, осторожно. Рулевой подправлял ход малыми поворотами: с тяжелым уловом шаланду заметно тянуло вперед. Запах стоял на весь борт. Рыбу и угрей засыпали солью, ста-

раясь сохранить до выгрузки, но из щелей корзин уже сочилась мутная жижа. Падальщики кружили за кормой, пока один получил от Рогана мокрым грузком по крылу и с воплем ушел выше.

Швартовка заняла больше времени, чем хотелось капитану. Правый барабан с нашим полиспастом мешал убрать часть снасти. Старшой не дал его снять до полной остановки. Капитан ругался. Старшой молчал. В итоге победило молчание человека, который знает, где еще может дернуть.

Когда трап лег на причал, на палубу поднялся портовый приемщик с весовой доской. За ним пришли двое артельщиков с крюками и мальчишка с ведром для слизи. Артельщики сразу взялись разгружать улов. Корзины пошли на весовую. Скаты легли на носилки. Кувшины со светящейся слизью приняли отдельно и сразу закрыли мокрой тканью. Писарь шаланды стоял рядом с приемщиком и сторожил каждую отметку так, будто защищал не улов, а собственную кожу.

Временные руки держали у борта до расчета.

Это правило мне не понравилось, но я оценил его честность. Пока деньги не выданы, ты еще часть судна. После выдачи становишься человеком, которому можно велеть уйти и забыть дорогу назад, если капитан решит, что ты слишком дорого обошелся.

Сеня переминался с ноги на ногу.

— Сейчас будет считать, сколько можно снять с нашей

доли.

— Уже считает. До расчета он молчал, а теперь раскладывает монеты, будто заранее знает каждый вычет.

Капитан действительно считал медленно. Перед ним лежали три кучки монет и одна отдельная, слишком маленькая для моей надежды. Писарь держал доску. Старшой стоял рядом, скрестив руки на груди. Роган и второй красноносый делали вид, что не слушают.

— Полный выход, — начал капитан. — Двенадцать серебра каждому временному. Еда на борту. Сон где нашли. Сеть цела.

Писарь кивнул.

Старшой поднял подбородок в мою сторону.

— Цела потому, что худой освободил блок и придумал, как поднять мешок через грузовую снасть.

— Доски выдержали, стрела не вырвалась. Без моей шаланды вы бы ничего не подняли.

Старшой качнул перекошенным плечом в сторону блока на правой стреле.

— Твою шаланду уже клонило набок. Без худого ты бы сейчас считал не улов, а доски.

Капитан поморщился.

— За самовольный рез ограничителя можно удержать.

Старшой поднял с палубы тот самый срезанный кусок железа. Ржавый, перекошенный, с черной кромкой от огнереза.

— Удержи. Я повешу его тебе на шапку, чтобы порт видел,

какая деталь держала твой улов.

Писарь очень внимательно посмотрел в доску. Роган отвернулся к борту. Сеня перестал дышать.

Капитан взял железку, повертел в пальцах, бросил обратно.

— Добавка за сеть. Восемь серебра худому. Четыре Лампочке.

— Скот тоже целым дошел до мешка благодаря их петле. За эту работу добавь к плате, — старшой не двинулся с места.

Капитан прищурился, будто ему предъявили лишний счет.

— Улов уже лежит на моей решетке. Отдельно за ската я не заплачу.

— Худой подал петлю, Сеня ее бросил и не отступил, Роган держал ячею. Ты сам видел.

Старшой сплюнул за борт. Капитан придвинул к себе кучку монет.

— Сеть, палуба и расчет мои. На моем судне я решаю, кому сколько платить.

— А память о том, кто удержал ската, останется у меня. В следующий выход временных сам уговаривай, — сказал старшой.

Капитан посмотрел на старшого так, будто хотел продать его первым же скупщиком. Старшой смотрел обратно спокойно. На малом судне власть капитана держалась штурва-

лом, платой и правом не взять тебя в следующий рейс. Старшего слушали потому, что он знал снасть и успевал отвести людей от рывка. Сегодня капитану пришлось вспомнить второе.

— Еще четыре худому. Еще четыре Лампочке. И хватит. Старшой кивнул. Писарь поставил отметку.

В ладонь мне легли двадцать четыре серебряные монеты. Настоящие, холодные, с разным звоном. До свободы еще далеко. Зато после мокрой ночи, порезанного железа и неудачной пробы цилиндра было приятно услышать, как звякает заработанное серебро. Хотелось просто стоять и слушать.

Сеня получил двадцать. Он смотрел на них так, будто в каждой монете уже видел свою лампу.

Капитан ткнул пальцем в мою сторону.

— Малый огонь в следующий раз с собой берешь только если скажу.

— Вы уже зовете меня в следующий выход? Мне сперва огнерез Ургу вернуть.

Капитан оглядел меня, как оценивают дорогой, но неудобный улов.

— Лицо придержи. Такие руки надо беречь, но цену за них пока не вздумай задирать.

— Я спрошу у мастера Урга, сколько стоит не падать.

Старшой снова кашлянул в кулак. Я убрал монеты, поднял с палубы брошенный обрезок ограничителя и сунул его в карман: Ургу покажу, куда потратил огонь. Капитан мах-

нул рукой, прогоняя нас с палубы.

— Сошли. Пока я не пересчитал благодарность.

На причале я слишком сильно уперся в твердую доску и едва не споткнулся. После двух дней качки колени все еще пружинили, пол под сапогами будто уходил в сторону вместе с шумом. Сеня сделал три шага и схватился за стойку фонаря.

— На земле тоже качает.

— Это причал. До земли мы пока не добрались.

Мы оба засмеялись, и смех вдруг сорвался в усталое молчание. На руках липла соль. В волосах сидел туман. Куртка пахла скатом, дымом и чужим пойлом, хотя я его не пил. В животе пусто тянуло. Еда на борту считалась едой только по договору. Тело требовало горячего, сухого и такого, что не пыталось утром выбраться из сети.

Но сначала деньги.

У доковой лестницы Данил снова сидел за узким столом. Рядом стоял человек Марты с ключами. Очередь нижних и поденных тянулась короткая, но нервная. Одни платили корабельную долю молча, другие спорили, третьи пытались объяснить, что капитан им недодал. Данил слушал всех с лицом, которое могло высушить мокрую сеть одним взглядом.

Когда подошла наша очередь, мы положили перед Данилом бирки с разрешением на выход. Он сверил их с книгой, отметил возвращение, вернул нам бирки и поднял глаза.

— Кир. Подработка на промысловой шаланде.

— Полный выход. Двадцать четыре серебра. Двенадцать кораблю.

Монеты было жалко так, что пальцы сами попытались держать их крепче. Пришлось разжать ладонь. Двенадцать серебра легли на стол. Данил пересчитал, сделал отметку, выдал маленькую дощечку с сухим знаком. В прошлый раз такая дощечка казалась насмешкой. Теперь она стала частью дороги. Не радостной, но честной. Если хочу выйти из векселя законно, нельзя начинать с кражи у собственных записей.

Сеня стоял рядом и мял деньги в кулаке.

Данил протянул ладонь, даже не поднимая брови.

— Твоя доля?

Сеня выдохнул.

— Десять с двадцати.

Данил принял монеты.

— На заработанные деньги лампу себе выкупишь?

Сеня дернулся.

— Кто вам про лампу рассказал? Я же не ходил по причалу всем об этом объявлять.

— Пока ты был в рейсе, тут об этом наговорили. А тебя без лампы сразу видно.

Человек Марты с ключами усмехнулся. Сеня покраснел до ушей, но дощечку взял бережно. Нижняя власть часто была. Иногда она просто видела, и от этого становилось не легче.

После расчета мы пошли на Ржавый Базар. По дороге Се-

ня свернул к закладчику у сушильных арок. Я остался снаружи, потому что такие вещи человек должен забирать сам. Внутри долго спорили. Сначала тихо, потом громче. Потом Сеня вышел с лампой на поясе, без добавки за сеть и с лицом победителя, которого немного обобрали на входе.

— Восемь взял, — буркнул Сеня. — Я на пять думал.

Лампа выглядела хуже, чем раньше. На стекле появилась новая царапина, кожаная дужка была перетянута чужим шнуром.

Сеня погладил ее большим пальцем.

— Теперь снова на поясе. Я весь рейс искал дужку рукой и каждый раз натыкался на пустое место.

— Что с лампой успели сделать, пока она была у закладчика?

Сеня повертел лампу в руках, провел пальцем по свежей царапине.

— Стекло задели. Больше к нему не понесу.

— Правильно. Теперь пусть лампа висит у тебя на поясе, а не у закладчика.

Он улыбнулся уже по-настоящему, расправил плечи. На поясе снова горел маленький огонь. Сеня придерживал знакомую дужку, обходя встречных грузчиков, и поглядывал под навесы, будто выбирал, кому там еще не хватает света. Дальше он шагал увереннее.

У первой горячей лавки мы купили две лепешки, миску густой крупы и кружку воды без масляной пленки. После ша-

ланды еда показалась почти храмовой. Я ел медленно, хотя тело требовало глотать. Горячее пошло в живот, руки перестали дрожать так заметно. Сеня обжег язык, выругался, потом съел все до последней крошки и только после этого вспомнил, что хотел выглядеть достойно.

Я проверил шнур на мешочке, прежде чем убрать его под куртку. Сеня проследил за моими руками.

— Сколько осталось после расчета и покупки еды?

— Мешочек стал тяжелее, чем перед выходом, но до тысячи серебра пока далеко.

Я взвесил мешочек в ладони, не открывая.

— Ты опять складываешь? У Данила уже пересчитал, теперь мешочек проверяешь на ладони.

Подсчет я сделал еще у Данила, но повторил в голове. Сбереженное после насоса и дневной работы я брал с собой. Потом платил за одежду и мешочек, и от шести серебряных осталось четыре. Теперь прибавились двенадцать от шаланды, из них тоже пришлось потратиться: одну монету я разменял у горячей лавки. Пятнадцать серебряных и медная мелочь. До тысячи серебряных оставалось столько, что подсчет хотелось начать заново — вдруг где-то пропустил целую пригоршню.

— Ближе, чем вчера.

Сеня посмотрел на свою лампу.

— Зато уже ближе, чем вчера.

После этих слов стало легче. Вчера я еще рассчитывал ис-

пытать цилиндр у старого узла. Впереди была мокрая работа, под ногами — чужая шаланда. Теперь с узлом не получилось, зато я заработал серебро, Сеня вернул лампу, а капитан «Седой Сети» вряд ли скоро забудет, сколько с нас было пользы и сколько пришлось доплатить. При всех неприятностях вернулись мы с прибытком. На заводе такую смену называли бы тяжелой, с переработкой, браком по нервам и принятым результатом.

До мастерской Урга мы дошли ближе к полудню.

На Ржавом Базаре стоял обычный дневной шум. В арках стучали молотки. Под навесами пилили снятые трубы. У лавки с кожей ругались о качестве мембраны. Где-то хрипел мех, пахло углем, кислым травлением, мокрой солью и жареной крупой. После двух дней на шаланде этот запах казался почти домашним. Я узнавал дым Ургова горна еще от арки и радовался ему, несмотря на копоть.

Я хотел только дойти до подсобки, спрятать деньги, умыться до состояния человека и вернуть Ургу огнерез без дыр в флягах. Возможно, даже успеть упасть на доску с водорослями раньше, чем тело поймет, что смена закончилась.

Двор Урга оказался закрыт.

На арке висела тяжелая цепь, створку задвинули до упора. С внутренней стороны стоял Гнат с молотом в руках. Обычно он только ворчал на прохожих, заглядывавших во двор. Сейчас шагнул к самой цепи и перехватил молот ближе к головке, преграждая нам путь.

Гнат упер молот рукоятью в землю.

— Посторонним закрыто.

— Я почти свой.

Гнат перехватил молот поудобнее, будто прикидывал, кого первым уложить.

— Почти посторонний.

Из-за его плеча донесся голос Неры.

— Это Кир. Пусти, пока мастер не решил, что он утонул в сети и можно продать его доску.

Гнат нехотя снял цепь. Я вошел во двор и сразу понял, почему ворота закрыли.

На козлах лежали полосы толстой стали. Портовая мелочь, скобы, кронштейны и старые хомуты рядом с ними казались мусором для ученической корзины. Свежая тяжелая сталь держала ровный темный блеск и гильдейские отметки на торцах. Рядом стояли четыре странных амортизатора с кожаными муфтами и пружинящими костяными вставками. На отдельном столе лежали замковые пластины, закрытые мокрой тканью. Лой качал меха у жаровни и молчал, что само по себе уже говорило о важности заказа. Кош сидел у ящика с заклепками и считал их губами. Нера чистила кромку листа коротким напильником, осторожно, без обычной насмешки.

Ург стоял над чертежной доской.

Чертежной доской здесь служила тонкая пластина, залитая воском. На воске процарапали схему каркаса. Линии шли в два слоя, внешний и внутренний. Между ними сто-

или отметки под мягкие подвесы. Снаружи тяжелые ребра. Внутри пустое место для груза, который явно не должен был касаться стенок даже при ударе.

Мастер поднял на меня один глаз.

— Живой.

— На шаланде чуть не остался.

Ург повел единственным глазом, ожидая остального доклада.

— Огнерез?

Сумку я снял, положил на верстак и развернул сухую ткань. Фляги целы. Шланги сохранили оплетку. Сопло в саже, кромка ровная. Запорные винты тугие, очки лежат в боковом кармане. Ург проверил все сам, не торопясь. Я достал из кармана срезанный ограничитель с «Седой Сети» и положил рядом. Ург взял его, посмотрел на черную кромку: вот куда ушел огонь.

— Грел коротко.

— Сеть рядом была.

Ург повертел ограничитель в пальцах, разглядывая черную кромку среза.

— Пламя не гуляло?

— Желтым ушло на пуске. Потом сжал.

Ург протянул руку, молча требуя ладони.

— Рука?

Я снял купленные рукавицы и показал ладони. Волдыри от старых ожогов не вернулись, но кожа распухла, на пальцах

появились новые потертости, в мелких трещинах щипало от соли.

Ург хмыкнул.

— Жить будут. Нерины рукавицы где?

Сеня, который вошел за мной, молча поднял порезанную рукавицу Неры.

Нера посмотрела на нее, потом на Сеню.

— Скат?

Сеня поднял плечо.

— Да. Только рукавицу в основном порезал.

— Рука цела?

Нера перехватила его ладонь, бегло оглядела царапину.

— Почти.

— Значит, хорошую кожу выбрали. Вернешь новую, когда разбогатеешь. А эту зашьем.

Сеня открыл рот, закрыл, потом кивнул так серьезно, будто ему доверили семейный герб. Снял вторую рукавицу и положил рядом с порезанной. Нера убрала обе на полку с иглами и обрезками кожи.

Ург снова ткнул пальцем в ограничитель.

— Что спас?

— Сеть. Улов. Правый барабан частично. Людей, если считать пальцы.

Ург слушал молча, не сводя с меня единственного глаза.

— Платили?

— Двадцать четыре. Половину отдал кораблю.

Он побарабанил костяшками по верстаку, взвешивая цифру.

— Мало.

— Согласен.

Ург качнул головой, будто закрыл счет в голове.

— Для первого раза жить можно.

Я вынул медную шайбу после насоса и положил в ящик с учебным браком, оплавленным краем вверх. Ург бросил рядом ограничитель. Две железки стукнулись друг о друга, и звук вышел странно приятный. По одной я помнил собственный промах, по другой — как выбрали сеть. За обоими уроками были чужие сбереженные деньги. Почти коллекция.

— Деньги спрячь. Потом мой руки. Потом сюда.

— Я думал, вы дали отгул на два дня.

Ург даже не поднял глаз от верстака.

— Два дня кончились.

— Я спал часа три.

Ург пожал плечами, будто это все объясняло.

— Тогда сейчас разметка. Огонь завтра. Сонным прожжешь — мне за брак платить.

Вот и весь трудовой договор. В цеху график висел на доске, здесь смены назначал Ург по срочности заказа. За свою усталость приходилось отчитываться вслух. По крайней мере, к огню он собирался поставить меня после сна.

Но взгляд сам снова ушел к чертежной доске. Толстая сталь. Двойной каркас. Мягкие подвесы. Замки. Закрытая

арка. Молчаливая бригада. Такой ящик не делают для стеклянной посуды и не держат под цепью ради обычной детали.

— Что за груз?

Ург не ответил сразу. Он взял молоток, коротко ударил по одной из стальных полос, послушал звук и только потом посмотрел на меня.

— Дорогой.

— Насколько?

Ург постучал молотком по краю верстака, точно заранее ставил точку.

— Настолько, что если будешь думать о нем раньше, чем о шве, я сам выбью из тебя любопытство. Аккуратно, чтобы ученик остался полезным.

Нера усмехнулась краем губ. Лой перестал качать меха и тут же получил от Гната подзатыльник.

Ург ткнул молотком в чертеж.

— Клетка. Двойной каркас. Амортизаторы. Замки. Сварка чистая. Грязь оставить за порогом. Лишние глаза держать за воротами. Лишние вопросы тоже, но с тобой это труднее.

— Я могу смотреть на сталь?

Ург смерил меня взглядом, прикидывая, сколько любопытства можно позволить.

— На сталь смотри. На клейма не смотри дольше, чем надо. На замки руками не лезь. Сегодня разметишь заготовки. Поешь и спать. Завтра с рассвета режем, потом прихватим углы. К ночи покажем заказчику каркас.

Завтра с рассвета. Конечно. Зато до него я успею выспаться.

Я прислонился бедром к верстаку: ноги дрожали, и хотелось сесть прямо на пол. Кивнул мастеру и посмотрел на толстую сталь на козлах. Сначала зачистить кромки. Проверить, куда поведет лист при нагреве. Угол держать открытым до внутреннего ребра. Амортизаторы ставить после основного каркаса, иначе жар поведет муфты. Сварной шов делать ровным по глубине. Такой ящик проверяют ударом: если сорвется при погрузке и стукнется о палубу, он должен остаться закрытым.

Цилиндр Закира под рубахой оставался холодным.

После пробы у шаланды я уже ожидал этого холода. Дешевые фонари и старые двигатели проверены. Где-то нашелся источник для первой проекции, только не на «Седой Сети».

Я снова посмотрел на чертеж клетки. Ради дешевого фонаря двойной каркас не варят.

Что бы ни легло в эту клетку, оно будет сильнее всего, к чему я до сих пор подносил цилиндр.

Глава 5

Я затянул мешочек с оставшимися монетами и спрятал под доской подсобки. Уложил за край опоры, чтобы доска встала на место. Серебро тихо звякнуло. До тысячи было еще смешно мало, зато теперь на ощупь получалась настоящая пригоршня.

Потом вода в бочке смыла с рук часть соли, но не усталость. Нера кинула мне чистую тряпку. Гнат молча подвинул место у козел. Ург поставил передо мной первую стальную полосу и коротко стукнул по ней пальцем.

— След.

Я провел ладонью над кромкой, не касаясь грязного места, посмотрел на легкий прогиб, на заводскую метку, на тонкую темную полосу в месте будущего реза. Следы на стали я понимал. Знал, куда поставить шаблон и что проверить перед резом. Здесь было с чего начинать работу.

Углём я провел черту по стали, сверил край с деревянным шаблоном и отступил, чтобы проверить разметку целиком. Голова еще шумела после шаланды, на пальцах саднила соль, но линия легла ровно. Ург стоял рядом и следил за моим плечом, будто по нему определял, куда я уведу уголь.

— Эту оставь. Гнат, четверку подвесов проверьте.

Гнат положил клещи у козел и посмотрел на кожаные муфты, которые при первом осмотре я принял за готовую

часть заказа.

— Мы их сегодня уже видели.

— Тогда у Кира руки дрожали после моря. Сейчас пусть проверит снова. До реза время есть.

Ург подтолкнул молотком край чертежной доски. На воске уже стояли первые отметки, рядом темнели стальные полосы. За воротами отзывались молотки и колесные ободы. Внутри двора поднимался запах мокрого песка, старого масла и нагретой стали.

— Сначала подвесы, — сказал мастер. — Потом вернетесь к разметке. Гнат, отвечаешь за проверку.

— Понял, — ответил я.

Гнат взял первый подвес двумя руками. Кожаная муфта была туго прошита, металлическая вилка сидела ровно. Костяная вставка внутри пружинила при коротком нажатии и возвращалась на место. Гнат проверил вторую, третью. На четвертой задержал палец у края муфты и повернул ее к свету.

— С виду ладно. Сборка сухая, кожи не повело.

Я взял деталь, как он показал, слегка сжал края, потом постучал костяшкой по вставке. Первые три отозвались ровным звоном. Четвертая прозвучала короче, с тихим дребезгом на конце. Под большим пальцем кость уступила совсем немного, но на обратном ходе задержалась.

— Слышал? — спросил я.

Гнат забрал подвес, повторил стук, надавил большим

пальцем на край и повернул муфту к свету. Тонкая светлая линия проступила у самой кромки. Он еще раз проверил ее изгибом, и линия раскрылась на волос и снова сомкнулась.

— Под муфтой трещина, — сказал он. — Пока держит, под боковой нагрузкой разойдется.

Ург осмотрел вставку и поставил рядом деревянную дощечку, чтобы подвес не перекашивался по столу.

— Можно по одной, — сказал Ург. — До рынка далеко нести четыре железяки незачем. Кость слушать будешь, Кир. Гнат — проверять руками. На базаре выберете замену и вернетесь.

— А если там предложат две? — спросил Гнат.

Ург перевернул в пальцах молоток и указал рукоятью на треснувший подвес.

— Тогда принесете одну. Вторая останется у продавца.

Гнат фыркнул, но спорить не стал. Он убрал три подвеса на стол и прикрыл их мокрой тканью. Я взял четвертый, обхватив металлическую вилку, чтобы не тянуть за муфту. В руках он весил меньше, чем выглядел. Гнат поднял с козел короткий деревянный брус, закинул на плечо сумку и придержал дверь, пока мы выходили.

За аркой обычный дневной шум Ржавого Базара складывался из работы мастерских, тележек и поденных голосов. У ближайшего навеса двое рабочих тянули из-под штабеля снятую трубу. На стыке сохранился черный налет, а кромку с одного края разлохматило. Они попеременно подложили

под трубу доски и направили ее на тележку короткими слаженными движениями. Я придержал подвес ближе к груди, пропуская тележку.

Свободное место оставалось у самого прилавка. Я шагнул туда, запоздало повернув подвес боком, и конец трубы повернулся поперёк прохода как раз перед моим коленом. Гнат взял меня за плечо и поставил рядом с собой у стойки. Металлическая вилка подвеса чуть звякнула о пряжку на моей куртке.

— Боком держи. Сейчас трубу повернут.

Рабочий у переднего колеса прижал обод сапогом. Второй перехватил трубу за целый край и подал конец к середине тележки. Труба скользнула по подкладной доске, оставив на ней чёрный след. Разлохмаченная кромка прошла близко от стойки, за которую я держался свободной рукой. Отступать дальше мешали ящики.

— Выходите за колесом, — сказал рабочий, всё ещё удерживая обод. — Длинный конец сначала пропустите.

Гнат первым повернулся в освободившийся промежуток. Я последовал за ним, прижав вилку к животу и прикрыв муфту ладонью. За моей спиной трубу закрепили поперёк тележки, и оба рабочих взялись за ручки. За колесом я оглянулся на длинный конец, прикидывая его размах на следующем повороте. На заводе вокруг такого груза хотя бы мелом чертили проход. Здесь приходилось смотреть на колёса, на конец трубы и на сапоги тех, кто её вёз.

— Успел бы, — сказал я, когда мы выбрались.

Гнат оглянулся на подвес у меня в руках.

— Вилка у тебя успела бы первой. Мастер тогда нас обоих пошлёт за второй.

Я перехватил деталь удобнее. Локти после моря ныли, и я всё норовил держать подвес прямо перед собой. Вот и шагнул раньше, чем довернул вилку. В тесноте приходилось прижимать локти к бокам и поворачивать её вслед за плечами, оставляя место обоим зубцам.

Дальше лежали цепи, расправленные по толстым крюкам. Отдельные звенья были темнее остальных и блестели по внутренним краям, где их долго терло о металл. Под навесом через два ряда продавали кристальные оправы. Они были круглые, угловатые, с загнутыми лапками и пустыми гнездами. Треснувшие детали отделили в ящики с соломой. В соседнем ряду на досках лежали части небесного промысла, обрезки кожи и кости разной толщины. Короткие костяные пластины складывали отдельно от длинных, тонкие от толстых. На Земле я бы искал отметку о каждой партии. Здесь хотелось задержаться и сравнить хотя бы соседние ряды, но Ург ждал подходящую вставку.

— Гляди под ноги, — сказал Гнат, придерживая меня за локоть.

Я опустил глаза. Под подошвой тянулся влажный шнур, с которого стекала темная смола. Повернувшись боком, я пропустил носильщика с двумя кожаными свернутыми ремня-

ми. Воздух пах кислой обработкой кожи, ржавчиной, мокрой солью и горячей крупой от уличной жаровни. Из одной мастерской доносился тяжелый ход мехов. Ритм сбивался каждый раз, когда рабочий за соседним верстаком отбрасывал стружку в ведро.

— Долго выбираем? — спросил Гнат. — Мастер ждет.

— Смотрю, как тут хранят кость.

Гнат достал из-за пояса брусок, который взял во дворе, и провёл большим пальцем по ровной стороне.

— На прилавке и посмотришь. Держать будешь за железом, пока сравниваю. Кожу пальцами прижмёшь, размер сам и изменишь.

Я ослабил хват на муфте. Её край расправился между зубцами вилки, и наружу выступила узкая светлая полоска кости. Вот насколько я смял кожу одним хватом. Подвес в сборе скрывал почти всю вставку, и мерить по торчащему концу я бы поостерёгся. Потом пришлось бы объяснять Ургу, почему подобранная кость упирается внутри.

— Брусок для размера?

— Для опоры. Прилавок у него с щелью посередине.

Гнат обошёл висящие ремни и поставил брусок на ближайшую доску. Щель нашлась именно там, куда я собирался положить подвес. Я сдвинул его на дерево и освободил Гнату обе руки.

На прилавке с материалом костяные вставки лежали по длине на грубой ткани. Продавец сидел за ним, руки у него

были в мелкой пыли. Он поднял глаза на подвес и протянул ладонь.

— Размер такой?

Гнат поставил деталь рядом с одной из вставок, сверяя ширину и длину. Совпадение было близким. Продавец вынул ее из ряда и положил ему на ладонь. Гнат повернул вставку, осмотрел оба конца, провел ногтем вдоль кромки.

— Подойдет. Кость чистая.

Я постучал костяшкой указательного пальца по середине. Звук вышел тонкий, но на втором касании к нему добавился короткий глухой отзвук. Переставил палец ближе к краю и повторил. Снова прозвенел чистый тон, следом прошел короткий глухой отзвук. Светлая поверхность выглядела ровной.

— Погоди, — сказал я.

Гнат расправил ладонь под вставкой и подвинул ее ближе ко мне. Он смотрел на меня поверх ее края.

— Что слышишь?

— На середине звон короче. Тут, ближе к кромке.

— Трещина? — спросил продавец.

— Проверим.

Гнат подложил под середину большой палец, другой рукой взялся за оба конца и слегка согнул деталь поперек. Давление было небольшим. На лицевой стороне появилась тонкая светлая линия, почти незаметная в пыли. Гнат отпустил вставку, стряхнул с нее пальцем крошку и поднес к уху. Он

снова уложил кость на ладонь. Линия осталась.

— Есть, — сказал он. — У края раскрывается.

Он проверил ее еще раз, уже с другого края. Тонкий звон повторился с коротким провалом. Гнат вернул кость продавцу и осмотрел собственный большой палец. На коже остался серый след.

— Хорошо услышал, Кир.

Гнат сказал это, уже протягивая продавцу ладонь за следующей вставкой. Я невольно улыбнулся. Он выслушал меня, сам согнул кость, снова проверил звук и теперь спокойно продолжал работу. Такую похвалу я понимал. Ург тоже иногда просто принимал сделанное и давал следующую деталь. После этого работалось легче.

Продавец убрал треснувшую вставку в отдельный лоток и достал вторую, чуть светлее, с заметной кривизной по одному краю. Размер совпадал. Гнат взял ее, и я постучал костяшкой уже по обоим концам, потом по середине. Звон различался по тону, но каждый раз оставался цельным. Гнат сжал деталь пальцами и проследил за кромкой.

— Проверим боком, — сказал он.

Он положил кость на край деревянной дощечки и прижал один конец ладонью. Второй конец я придержал двумя пальцами. Гнат надавил на выступавшую часть, медленно, до легкого упругого хода. Вставка подалась на толщину ногтя и вернулась, когда он снял руку. Кривой край легко прошел вдоль доски, не цепляясь за дерево.

— На такую нагрузку хватит, — сказал он. — Если сядет в муфту ровно.

Гнат снял кость с деревянной опоры. Я потянулся к выпуклой кромке, собираясь повернуть вставку и сверить её со старой на просвет. Под пальцем кромка подалась заметнее, чем я ожидал. Гнат придержал мой палец.

— За концы бери. Сейчас тут придавишь и сам себе ровную сделаешь.

Вставка лежала поперёк его ладони, выгибаясь совсем немного. Я перехватил её двумя пальцами за торцы и снова посмотрел вдоль края. Проверка на просвет привычная, только с этой костью хват требовался куда легче. Пока я сжимал её, пальцами выправлял кривизну. В свободном положении край снова поднимался над бруском.

— С металлом тоже бывает, — сказал я. — В тисках ровно, вынул и опять винтом.

— Вот и вынимай до покупки.

Гнат подвинул наш подвес к свету. Я держал выбранную вставку рядом со старой, сохраняя между ними узкую щель, чтобы видеть оба края. Гнат следил, чтобы я снова не прижал податливую кость за середину.

Продавец положил рядом ещё одну деталь, уже шире нужной. Гнат приложил обе по очереди к открытому краю вилки, рядом со старой вставкой. Слишком толстая выступила над краем и уперлась бы в кожу при сжатии. Выбранная легла на брусок выпуклостью вверх и не качнулась. Её ширина

оставляла в вилке одинаковый запас с двух сторон.

— Берем эту.

Продавец завернул вставку в кусок плотной ткани и передал Гнату. Гнат рассчитался, убрал сверток в сумку, забрал у меня треснувший подвес, уложил рядом и проверил застежку. Я еще раз посмотрел на выбракованную кость. Трещина почти скрылась под пылью. Ее край стал виден с нужного угла.

На обратном пути мы шли быстрее. Гнат держал сумку одной рукой, второй отводил в сторону людей и длинные обрезаки, оставленные прямо у прохода. Возле ряда цепей двое рабочих перетаскивали тяжелый крюк. Звенья звякали при каждом шаге, и этот звук перекрывал гул мехов. Мне вспомнился тихий глухой отзвук на костяной вставке. Для цепи он был бы обычным. У подвеса, который должен сгибаться и возвращаться, провал означал трещину.

— Ты сразу услышал, — сказал Гнат.

Он следил за досками под ногами. Подошва скользнула по мокрому краю настила, и он переставил шаг, не выпуская сумки.

— Когда в детали есть упругость, звон тоже меняется.

— Ты это на заводе выучил?

— Там плохо гнутый вал слышно по станине. Вибрация идет дальше самого вала.

Гнат коротко кивнул, продолжая держать сумку ровно. Во дворе он сам проверял на слух подвес, и про звон я мог го-

ворить с ним по делу. На переходе через низкий порог он осторожно переставил ногу, придерживая сумку у бедра.

— Здесь кость, — сказал он. — Но проверка та же.

Во дворе на прежнем столе лежали три оставленных подвеса. Четвёртый Гнат принёс в сумке. Мокрая ткань сползла с края, и Гнат натянул ее обратно, прежде чем положить сумку. Ург уже успел разметить на стали еще одну линию. Он посмотрел на нас и отложил мел.

— Показывайте.

Гнат вынул подвес с поврежденной вставкой и положил на чистый участок верстака. Я развернул замену. Ург сначала осмотрел трещину, провел ногтем вдоль светлой полосы, потом взял целую кость двумя пальцами и надавил на середину. Она слегка подалась и вернулась.

— Кто выбрал?

— Кир слышал, я проверил, — сказал Гнат. — Эта держит боком.

Ург взял деревянную дощечку, установил на ней вставку и повторил проверку Гната. Я держал кость за конец, пока мастер давил на край. Дощечка не качнулась, вставка прогнулась ровно и вернулась к прежнему изгибу. Ург отпустил руку.

— Вставить. Сухой край внутрь. Гнат, следи за посадкой. Кир, держи вилку.

Мы работали молча несколько минут. Гнат вытянул поврежденную кость из муфты, стараясь не задрать кожу. Я

придерживал металлическую вилку и следил, чтобы она не повернулась. Когда треснувшая кость вышла, кожаный край загнулся вслед за ней. Гнат положил старую вставку на ткань и расправил муфту подушечкой большого пальца. Я удерживал вилку на бруске, оставляя ему место для руки.

Под кожей показалась тёмная полоса, до которой раньше я мог дотянуться только ногтем. Гнат вытер её углом тряпки. На ткани осталась мелкая пыль. Пока муфта была пустой, он повернул её к свету и показал мне край, который легко подвернулся бы при сборке.

— Сюда смотри. Зажуём кожу, опять разбирать.

Я опустился пониже. Ург развернул замену сухим краем внутрь и передал её Гнату. Тот начал вводить кость между кожаными стенками, а я держал вилку и следил за кромкой. У самого входа кожа приподнялась, Гнат разгладил её ногтем и продолжил нажим. Новая вставка вошла с ровным усилием. Вилка не качнулась, муфта сохранила одинаковый зазор. Гнат проверил её пальцами и слегка надавил сбоку. После его руки деталь возвращалась в прежнее положение, в кожаной кромке не появилось залома.

— Держит, — сказал он.

Я поднял голову к Ургу. Мастер наклонился над четвертым подвесом, проверил ход и вернул его к остальным. Потом повторил то же на оставшихся трех. Каждый раз вставки уступали под небольшим нажимом и вставляли обратно.

— Четыре, — сказал Гнат, сдвигая их в ряд.

— Четыре годных, — уточнил Ург. — Убрать под ткань. Завтра установка после рамы.

Он коротко стукнул по столу рукоятью молотка и повернулся к стали.

— Кир, разметку продолжай. До вечера весь лист.

К краю полосы я снова приложил деревянную линейку. За спиной Гнат уложил четыре подвеса один к одному и накрыл их тканью. Старую треснувшую кость он оставил отдельно на верстаке. Короткий провал в её звоне я запомнил хорошо.

Вечерний свет уходил со двора, и я сменил уголь на мел: белый след на тёмной стали различался лучше. Шаблон, черта, сверка обоих концов. Снова шаблон. На лёгком прогибе листа дерево качнулось посередине, и вести черту приходилось, дотягиваясь через весь лист. Через несколько полос пальцы онемели от холодной стали, соль стянула кожу на ладони.

Гнат подошёл с другой стороны козел и придавил дальний конец шаблона. Я ждал замечания про скорость, но он смотрел на черту под моей ладонью.

— Ты её пальцами стираешь. Локоть подними.

Я приподнял кисть и провёл мелом. Черта вышла такой же ровной, а тянуться через весь лист больше не приходилось.

— Так бы и сразу, — сказал я.

— Так бы и попросил.

Дальше мы размечали вдвоём. Всего-то и надо было попросить придержать дальний край. Сказать это Гнату вслух

я постеснялся.

Ург прошёл вдоль козел, приложил шаблон к последней черте, сдвинул линейку на ширину пальца и проверил ещё раз.

— Дальше.

За воротами перекачивали бочки к причалам, тени на стене удлинялись. К последней полосе плечо ныло от долгого наклона. Утром по этим чертам мне предстояло вести огонь, поэтому я вернулся к первой и прошёл весь ряд шаблоном заново. Пару отметок, стёртых рукавом, восстановил.

Ург приложил шаблон к двум крайним полосам и убрал его на доску.

— Закончил?

— Весь лист.

Ург показал мне на бочку с водой.

— Теперь руки мой. Ешь и ложись.

Я споласкивал угольную и меловую пыль осторожно, чтобы вода меньше щипала трещины на пальцах. Гнат уже освобождал место вокруг козел для завтрашнего огня. Горелку у этого листа предстояло держать с утра. Добраться бы до койки сытым, пока Ург не нашёл ещё какой-нибудь черты.

Глава 6

На следующее утро первый рез на стальной полосе вышел ровным.

До витрины с гильдейской печатью ему было далеко. Зато глубину я держал ровно. Огонь взял металл без желтой пляски, кромка пошла чисто, а тяжелая полоса разошлась по намеченной черте, оставив после себя темный горячий край. Вчера после разметки я поел и проспал до утреннего окрика Неры. Она принесла чистую ткань для повязок; пальцы все еще плохо сгибались, зато голова прояснилась. После двух дней на мокрой сети, тайного спуска к двигателю и сна у ящиков я успел прийти в себя настолько, чтобы гордиться этим резом.

Почти, потому что рядом стоял Ург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.